

Уильям Теккере́й

Базар житейской суеты.

Часть 4

Уильям Теккерей

Базар житейской суеты. Часть 4

«Public Domain»

1848

Теккерей У. М.

Базар житейской суеты. Часть 4 / У. М. Теккерей — «Public Domain», 1848

Произведение дается в дореформенном алфавите. «Послѣ присутствія мистриссъ Бекки на семейномъ обѣдѣ и вечерѣ милорда Стейна, права этой почтенной женщины на принадлежность къ фешенебельному свѣту были признаны на законномъ основаніи, и утверждены однажды навсегда. Двери первостатейныхъ домовъ великобританской столицы быстро отворились передъ ея особой – двери великія и высокія, черезъ которыя, смѣю надѣяться, никогда не удавалось проходить благосклонному читателю сей достовѣрной исторіи. Я съ своей стороны всегда останавливался съ трепетнымъ благоговѣніемъ передъ сими страшными вратами, куда не дерзнетъ даже проникать мой авторскій помысль. Я воображаю, что ихъ денно и нощно охраняютъ мужи осанистые, вооруженные ярко-блестящими серебряными трезубцами, готовые пронзить насквозь всякаго назойливаго поеѣтителя, не имѣющаго правъ на entrée. Говорятъ, будто газетный сотрудникъ-горемыка, впускаемый сюда въ извѣстные дни для внесенія въ свою тетрадку фамилій знаменитыхъ особъ, присутствующихъ на балѣ, умираетъ очень скоро послѣ этого сеанса...»

Содержание

Глава L	5
Глава LI	19
Глава LII	27
Глава XLIII	34
Глава LIV	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Теккерей Уильям Мейкпис

Базар житейской суеты. Часть четвертая

Глава L

Предлагается на благоусмотрение читателя шарада въ джентльменскомъ вкусѣ

Послѣ присутствія мистриссъ Бекки на семейномъ обѣдѣ и вечерѣ милорда Стейна, права этой почтенной женщины на принадлежность къ фешенебельному свѣту были признаны на законномъ основаніи, и утверждены однажды навсегда. Двери первостатейныхъ домовъ великобританской столицы быстро отворились передъ ея особой – двери великія и высокія, черезъ которыя, смѣю надѣяться, никогда не удавалось проходить благосклонному читателю сей достовѣрной исторіи. Я съ своей стороны всегда останавливался съ трепетнымъ благоговѣніемъ передъ сими страшными вратами, куда не дерзнетъ даже проникать мой авторскій помыслъ. Я воображаю, что ихъ денно и нощно охраняють мужи осанистые, вооруженные ярко-блестящими серебряными трезубцами, готовые пронзить насквозь всякаго назойливаго поѣтителя, не имѣющаго правъ на *entrée*. Говорятъ, будто газетный сотрудникъ-горемыка, впускаемый сюда въ извѣстные дни для внесенія въ свою тетрадку фамилій знаменитыхъ особъ, присутствующихъ на балѣ, умираетъ очень скоро послѣ этого сеанса. Я вѣрю этому. Ему ли, ничтожному смертному, долго прозябать на сей землѣ, послѣ того, какъ глаза его подверглись искрометному блеску вкуса и моды? Огнь дендизма прожигаетъ его до костей и мозговъ, какъ нѣкогда присутствіе Юпитера въ полномъ олимпійскомъ костюмѣ уничтожило бѣдную неразумную Семелу, дерзнувшую выскочить изъ своей естественной атмосферы. Этотъ миѳъ должны намотать себѣ на усь всѣ безъ исключенія Тибуρνіанцы и Бельгравіанцы, и я бы очень радъ былъ рекомендовать исторію Семелы особенному вниманію мистриссъ Бекки. О, женщины, женщины! Обратитесь къ достопочтенному господину Туриферу, и онъ докажетъ вамъ какъ дважды два – пятнадцать, что Бельгравія не что иное есть, какъ мѣдъ звѣняща, а Тибуρνія – цимбаль бряцай. Все это суета суетъ, съ позволенія сказать, и всяческая суета. Все дымъ, прахъ и чадъ, или, выражаясь поэффектнѣе – трынъ-трава. Рано или поздно наступитъ день и часъ (но въ ту эпоху сгніють и кости твои, о, возлюбленный собратъ мой!), когда великолѣпные сады Гайдъ-Парка исчезнутъ съ лица земли, и не отыщеть ихъ отдаленный потомокъ, такъ же какъ мы, въ настоящее время, знать не знаемъ, гдѣ обрѣтались нѣкогда чудодѣйственный висячій мостъ и волшебные сады покойницы Семирамиды. Опустѣетъ и Бельгравскій скверъ, какъ уже опустѣли Булочная улица (Baker Street), или пустынный Тадморъ.

А знаете ли вы, милостивыя государыни, что великій Питтъ жилъ въ Булочной улицѣ? Отчего это вашихъ бабушекъ не просили на вечера къ леди Гестеръ въ этотъ, теперь опустѣлый, палаццо? Я обѣдалъ тамъ, увѣряю васъ, *moi qui vous parle*. Тѣни мертвецовъ, друзья и пріятели знаменитаго хозяина, составляли превеселую компанію. Когда мы, современные живые люди, сѣли за столъ и вооружились рюмками кларета, духи отшедшихъ джентльменовъ гурьбой ввалили въ комнату, и степенно разсѣлись по мѣстамъ вокругъ мрачнаго буфета. Прежде всѣхъ на сцену выступилъ морякъ, укротитель житейскихъ треволненій, и налилъ себѣ огромный стаканъ спиртуозной влаги: жизненные привычки Дундаса сопровождали его и въ могилу. Аддингтонъ сидѣлъ, склонивъ голову съ пасмурными и мрачными взорами, и не отставалъ отъ другихъ, когда безшумная бутылка совершала круговые переходы; Скоттъ сердито поворачивалъ густыми бровями, и смотрѣлъ исподлобья на всѣхъ; глаза Уильберфорса были постоянно обращены на потолокъ, и онъ не замѣчалъ, повидимому, какъ стаканъ подносился къ его рту, и

выходилъ оттуда пустой. Я тоже смотрѣлъ повременамъ на потолокъ, забывая, что эта замашка принадлежитъ исключительно великимъ людямъ. Домъ этотъ отдается теперь внаймы съ мебелью и со всѣми принадлежностями. Да, такъ точно: леди Гестеръ, супруга Вилльяма Питта, величайшаго изъ ораторовъ древняго и новаго міра, жила нѣкогда въ Булочной улицѣ, и покоится теперь безпробуднымъ сномъ въ пустынь...

Отсюда и слѣдуетъ, что все суета суетъ на бѣломъ свѣтѣ, хоть всѣ мы, милостивыя государины и государи, любимъ больше или меньше, суету мірскую. Желалъ бы я знать, какой благовоспитанный смертный, или смертная съ исправнымъ желудкомъ, откажется отъ употребленія ростбифа, единственно потому, что ростбифъ скоропреходящъ и тлѣнень? Пусть онъ суета, но да ниспослетъ небо всякому смертному, читающему эти строки (о, еслибы такихъ смертныхъ набралось около пятисотъ тысячъ!), значительную частичку смачныхъ блюдъ, подобныхъ ростбифу. Садитесь за мой столъ, милостивые государи, и кушайте на здоровье, безъ церемоніи. Вотъ вамъ ветчина, редиска, горчица, уксусъ, – кушайте, кушайте. Эй, ты, Джонсъ! Другую бутылку вина! Насыщайтесь вдоволь, дорогіе мой гости, суетными благами міра сего, и поблагодарите хозяина за радушную хлѣбъ-соль. И не прогнѣвайтесь на мою героиню, если, сверхъ чаянія, замѣтите въ ней черезчуръ аристократическія наклонности и вкусы: они скоропреходящи, будьте въ этомъ увѣрены, какъ и всѣ наслажденія и забавы сей коловратной планеты.

* * *

Ближайшимъ слѣдствіемъ визита мистриссъ Бекки къ лорду Стейну было то, что высокородный грандъ Испаніи и Португаліи, донъ Питерварадинъ воспользовался первымъ случаемъ возобновить знакомство съ полковникомъ Кроли, когда, на другой день, встрѣтился съ нимъ въ клубѣ. При встрѣчѣ съ Ребеккой въ Гайдъ-Паркѣ, высокородный грандъ, снявъ шляпу, привѣтствовалъ ее глубочайшимъ салютомъ. Вслѣдъ затѣмъ, мистриссъ Кроли и супругъ ея получили приглашеніе на одинъ изъ семейныхъ вечеровъ гранда и грандессы въ Левантъ-Домъ, занимаемый ими по случаю совершенной отлучки изъ Англіи благороднаго хозяина этого палаццо. Ребекка пѣла, послѣ обѣда, въ небольшомъ собраніи, гдѣ находился и лордъ Стейнъ, слѣдившій, съ отеческимъ вниманіемъ, за успѣхами своей юной protégée.

Въ Левантъ-Домѣ Бекки познакомилась съ однимъ изъ самыхъ знатныхъ и великолѣпныхъ джентльменовъ, герцогомъ де-ла-Жаботьеръ, уполномоченнымъ министромъ и посланникомъ одного короля. Гордость, въ сильнѣйшей степени, бурлитъ и клокочетъ въ моей груди, когда я переносу на бумагу эти имена, и воображаю, въ какое блистательное общество попала моя героиня. Она сдѣлалась постоянной гостьей въ домѣ французскаго посольства, гдѣ вечера считались скучными, какъ-скоро не присутствовала на нихъ madame Родонъ Кроли.

Messieurs де-Трюффины (изъ фамиліи Перигора) и де-Шампиньякъ, чиновники французскаго посольства; оба немедленно и вполне подчинились прелестямъ очаровательной Ребекки, и оба въ свое время, торжественно объявили, что они стояли съ нею на самой короткой ногѣ. Такія деклараціи, какъ всѣмъ извѣстно, въ духѣ французской націи, и желалъ бы я знать: какой французъ, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ въ свою отчизну, не хвасталъ тѣмъ, что онъ сгубилъ наповаль по крайней мѣрѣ дюжину почтеннѣйшихъ фамилій?

Но я рѣшительно сомнѣваюсь въ справедливости слуховъ, распространенныхъ вышеозначенными господами касательно мистриссъ Бекки. Шампиньякъ до безумія любилъ карты, и на вечерахъ у Родона Кроли игралъ обыкновенно въ экарте, тогда-какъ Бекки, въ другой комнатѣ, пѣла торжественныя сонаты для лорда Стейна. Относительно господина Трюффины, извѣстно намъ заподлинно, что этотъ достойный дипломатъ не смѣлъ глазъ показать въ гостиницѣ Путешественниковъ, гдѣ считали его по уши въ долгахъ, и еслибы, при посольскомъ домѣ, не было общаго стола, то никакого нѣтъ сомнѣнія, monsieur de Truffigny умеръ бы голодной смертію среди столицы Трехъ Соединенныхъ Королевствъ. Послѣ этого, мнѣ позволено,

конечно, усомниться въ нѣкоторой степени, что Ребекка обращала благосклонное вниманіе на котораго-нибудь изъ этихъ юныхъ джентльменовъ. Правда, впрочемъ, что оба они состояли у ней на посылкахъ, покупали для нея перчатки, духи, цвѣты, входили въ долги изъ-за билетовъ въ ложу бельэтажа для мистриссъ Кроли, и вообще старались оказать ей многія другія услуги поэтического свойства. Объяснялись они по англійски съ умиленно-наивной простотою, и несказанно потѣшали Бекки и милорда Стейна. Каждого изъ нихъ она передразнивала прямо въ лицо, и поздравляла ихъ съ успѣхами въ англійскомъ языкѣ съ такою уморительною важно-стью, что лордъ Стейнъ, сардоническій ея патронъ, не могъ удержаться отъ смѣха. Трюффи-ни, имѣя въ виду секретную цѣль по дѣламъ сердечнымъ, подарилъ компаньйонкѣ Бриггсъ превосходную шаль, и тутъ же попросилъ ее озаботиться насчетъ передачи письма, которое простодушная старая дѣвица вручила при всѣхъ мистриссъ Бекки, такъ-какъ на адрессѣ стояло ея имя. Содержаніе этой эпистолы вдоволь позабавило почтеннѣйшую публику, и преимущественно милорда Стейна, прочитавшаго ее съ особеннымъ аппетитомъ. Читали ее всѣ безъ исключенія, кромѣ честнаго Родона; ему, разумѣется, не кчему было знать и прилагать къ сердцу всякую всячину, происходившую подъ кровлей его домика на Курцонъ-Стритъ.

Здѣсь, въ этомъ именно домикѣ, Бекки не только принимала *лучшихъ* иностранцевъ (эта фраза, какъ извѣстно, издавна получила право гражданства въ нашемъ джентльменскомъ кругу), но даже нѣкоторыхъ изъ лучшихъ Англичанъ. Подъ этимъ курсивнымъ словомъ я отнюдь не разумѣю самыхъ добродѣтельныхъ, или, наменьѣ добродѣтельныхъ людей, ни умнѣйшихъ, ни глупѣйшихъ, ни богатѣйшихъ, ни добропородныхъ; но – «лучшихъ», однимъ словомъ, то-есть такихъ, къ которымъ другаго эпитета прибрать никакъ нельзя, и которыхъ *лучиенство* уже опредѣлено на общемъ сеймѣ Базара Житейской Суеты. Таковы суть: великая леди Фитц-Уиллисъ, патронша Альмака, великая леди Слоборъ, великая леди Гризельда Макбетъ, урожденная миледи Глори Грэй, и прочая, и прочая, и прочая. Какъ-скоро леди Фитц-Уиллисъ, урожденная Дебреттъ, благоизволить принимать въ своихъ салонахъ извѣстную особу мужескаго пола – эта особа уже спасена, и никто не отниметъ у нея титула лучиенства. Никакъ нельзя сказать, чтобы миледи Фитц-Уиллисъ была дѣйствительно лучше кого-нибудь другаго – совсѣмъ напротивъ: ей ужъ будетъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, и она никогда не славилась ни красотой, ни богатствомъ, ни умомъ; но тѣмъ не менѣе всякому извѣстно, что она принадлежитъ къ разряду лучшихъ. Салоны ея исключительно посѣщаются только лучшими особами и, какъ она давно сердита была на миледи Стейнъ (старинная вражда: въ молодости своей, Георгина Фредерика, теперешняя Фитц-Уиллисъ, надѣялась присвоить себѣ настоящій титулъ миледи Стейнъ), то ничего нѣтъ удивительнаго, что эта великая представительница моднаго свѣта торжественно признала права и привилегіи мистриссъ Родонъ Кроли. Она раскланялась съ нею весьма учтиво на одномъ великолѣпномъ балу, и потомъ ободрила сына своего Сент-Китса, получившаго хорошее мѣсто по протекціи лорда Стейна, посѣщать какъ-можно чаще домъ мистриссъ Кроли. Этого мало. Леди Фитц-Уиллисъ пригласила Ребекку въ свой собственный палаццо, и два раза принималась говорить съ нею за обѣдомъ самымъ торжественнымъ, снисходительнымъ и любезнымъ тономъ. Этотъ важный фактъ сдѣлался въ тотъ же вечеръ извѣстнымъ всему Лондону. Особы, злословившія до той поры мистриссъ Родонъ, замолчали. Венгемъ, извѣстный острякъ и законовѣдецъ, правая рука лорда Стейна, вездѣ началъ прославлять до небесъ нашу героиню. Всѣ и каждый спѣшили наперерывъ познакомиться съ мистриссъ Бекки. нѣкто Томъ Тоди, предостерегавшій Саутдауна насчетъ этой опасной женщины, принялся теперь хлопотать, чтобы его представили въ ея домъ. Словомъ, мистриссъ Родонъ Кроли вполне сопричислилась къ разряду «лучшихъ».

Ахъ, друзья мои, не завидуйте преждевременно моей героинѣ, мало ли что можетъ случиться на Базарѣ Житейской Суеты? Слава есть не что иное, какъ дымъ и пепелъ: это вы всѣ знаете. Притомъ всюду признано за несомнѣнный фактъ, что даже черезъ золото и брильянты текутъ иной разъ весьма горькія слезы. Бекки испытала и видѣла все на свѣтѣ, видѣла даже

самого милорда Бумбумбума, лицомъ къ лицу, и однакожь, положи руку на сердце, сознавалась впоследствии, что все – суета суетъ.

Намъ никакъ не слѣдуетъ распространяться слишкомъ много объ этой достославной и блестящей каррьерѣ нашей героини. Тайны большаго свѣта могутъ быть вполне извѣстны только посвященнымъ: имъ и книги въ руки.

Въ послѣдующіе годы Бекки весьма часто говорила о той эпохѣ своей жизни, когда она постоянно вертѣлась въ круговоротѣ моднаго лондонскаго свѣта. Блистательные успѣхи, быстро смѣнявшіеся одинъ другимъ, сначала приводили ее въ состояніе непрерывнаго восторга, но потомъ прискучили ей мало-по-малу; опротивѣли и надоели. Ничего сначала не могло быть пріятнѣе, какъ изобрѣтать и добывать изящные костюмы со всѣми дополнительными украшеніями, къ нимъ принадлежащими. Принимая въ расчетъ довольно ограниченныя средства мистриссъ Родонъ, мы думаемъ, что для рѣшенія проблемъ этого рода, требовалась повременамъ удивительная изворотливость ея тонкаго и проницательнаго ума. Тѣмъ веселѣе было для нея, послѣ предварительныхъ хлопотъ, ѣздить на званые обѣды, гдѣ она встрѣчалась съ великими людьми, и отъ обѣдовъ – на блистательныя вечернія собранія, гдѣ встрѣчали ее тѣ же великіе люди, съ которыми притомъ, непремѣнно и неизбежно, предстояло ей увидѣться и завтра, и послѣзавтра, и на слѣдующей недѣлѣ, и въ будущемъ мѣсяцѣ, всегда и всюду, гдѣ только собирался лучший джентльменскій міръ. Молодые люди были всегда безукоризненно-изящны, въ прекрасныхъ галстукахъ, въ блестящихъ сапогахъ, и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, перчаткахъ; пожилые джентльмены, степенные, сановитые и прозаичные, украшали свои костюмы затѣйливыми пуговками; молодыя леди, робкія и застѣнчивыя, рисовались въ розовыхъ платьяхъ, и маменьки ихъ, сіявшія брильянтами, всегда были величественны, прекрасны, торжественны и пышны. И весь этотъ людъ говорилъ на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ, а не на дурномъ французскомъ діалектѣ, какъ въ нашихъ повѣстяхъ и романахъ. Рѣчь всегда шла о семейныхъ дѣлахъ, о характерѣ той или другой особы, и о различныхъ разностяхъ, въ большей или меньшей степени интересныхъ, или, вовсе неинтересныхъ, точь-в-точь какъ разсуждаютъ иногда любезныя кумушки. Всѣ прежнія знакомыя завидовали Ребеккѣ и ненавидѣли ее отъ всей души, не думая и не гадая, что бѣдная женщина скучаетъ больше и больше, зѣваешь чаще и чаще среди всей этой пышности и блеска.

– Зачѣмъ судьба забросила меня въ этотъ свѣтъ? жаловалась по временамъ мистриссъ Бекки, забывая, что судьба тутъ вовсе невиновата, – лучше бы мнѣ быть женою деревенскаго пастора, или, какого-нибудь аптекаря, готовить лекарства для его пациентовъ! Лучше, право, быть женою сержанта и ѣздить за полкомъ въ обозной фурѣ; но было бы въ тысячу разъ комфортабельнѣе и веселѣе переѣзжать съ ярмарки на ярмарку, и плясать въ балаганахъ.

– Да, вы были бы превосходной плясуньей, замѣтилъ лордъ Стейнъ улыбаясь.

Она обыкновенно жаловалась великому человѣку на свою хандру, и повѣряла ему тревоги своего сердца. Это забавляло милорда.

– Изъ Родона могъ бы выйти очень хорошій Есцуг... конюшни... или, какъ называется этотъ человѣкъ въ огромныхъ ботфортахъ, что ходитъ вокругъ цирка, и похлопываетъ бичомъ? Онъ высокъ, довольно толстъ, увѣсистъ, и фізіономія его внушаетъ уваженіе... Помню я, продолжала Бекки, задумчиво склонивъ голову, – однажды, когда я была ребенкомъ, отецъ сводилъ меня въ балаганъ на брукгримской ярмаркѣ, и когда мы воротились домой, я сдѣлала себѣ пару ходулей, и начала выплясывать такъ, что удивила всѣхъ товарищей и учениковъ отца.

– Интересно было бы посмотреть на эту сцену, сказалъ лордъ Стейнъ.

– А я бы не прочь повторить ее теперь, продолжала Бекки. О, какъ бы изумилась леди Блинки, и какъ широко открыла бы свои глаза леди Гризельда Макбетъ!.. Однакожь полно объ этомъ, тсс! Паста начинается пѣть.

Бекки всегда старалась оказывать очевидное уваженіе къ публичнымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ, приглашаемымъ на всѣ эти аристократическіе кружки. Она благосклонно подходила къ

нимъ въ уголокъ, гдѣ они сидѣли, подавала имъ свои миньятюрныя ручки, и ласково разговаривала съ нимивъ присутствіи всѣхъ *наилучшихъ* особъ. Что жъ такое? Она была сама артисткой, замѣчала мистриссъ Бекки весьма справедливо. Откровенно и простосердечно рассказывала она всѣмъ и каждому о своемъ происхожденіи и слова ея служили неисчерпаемымъ источникомъ для разнообразныхъ толковъ и сужденій о характерѣ ея среди этого блестящаго круга.

– Какимъ удивительнымъ хладнокровіемъ владѣетъ эта женщина! замѣчала одна особа.

– Скажите лучше – дерзостью, подхватывала другая, – смотрите, какой видъ независимости принимаетъ она! Другая, на ея мѣстѣ, сидѣла бы спокойно въ нашемъ кругу, и считала бы за большую честь, еслибъ удостоили ее какимъ-нибудь вопросомъ.

– Что это за честная, добрая и кроткая душа!

– Ну, это, скажу я вамъ, такая пройдоха, какой еще свѣтъ не производилъ!

И такъ далѣе. Ребекка между-тѣмъ дѣлала свое дѣло. Артисты и артистки были отъ нея въ восторгѣ, и готовы были пѣть на ея вечерахъ до истощенія послѣднихъ силъ. Музыкальные уроки доставались ей даромъ.

Да. Были дѣйствительно вечера въ маленькомъ домикѣ на Курцонъ-Стритѣ. Экипажи всякаго рода, съ фонарями и безъ фонарей, загромождали всю улицу, къ великой досадѣ № 200, не знавшаго покою отъ этой демонской стукотни, и къ неизъяснимому бѣшенству № 202, который не могъ отъ зависти сомкнуть глазъ во всю ночь. Гигантскіе лакеи, сопровождавшіе экипажи своихъ джентльменовъ, не могли умѣститься въ небольшой галлерей мистриссъ Бекки; имъ выдавались билеты въ ближайшій трактиръ, гдѣ каждый изъ нихъ могъ потребовать для себя бутылку пива. Знатные лондонскіе денди толпились на ступеняхъ маленькой лѣстницы и толкали другъ друга, удивляясь и подсмѣиваясь, какъ они очутились въ этомъ мѣстѣ, и многія непорочныя леди высшаго тона сидѣли въ маленькой гостиной, слушая знаменитыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, которые, по обыкновенію, пѣли съ такой энергіей, что отъ звуковъ ихъ голоса дребезжали стѣкла въ окнахъ. И черезъ день, на одномъ изъ столбцевъ газеты Morning Post, въ отдѣленіи «Фешонэблныя собранія», печатался параграфъ такого рода:

«Полковникъ Родонъ и мистриссъ Кроли давали вчера обѣдъ и вечеръ для избраннаго общества въ своемъ домѣ на Курцонской улицѣ, что на Майской ярмаркѣ. За обѣдомъ присутствовали: ихъ высокопревосходительства, грандъ и грандесса Питерварадинъ, его превосходительство, трехбунчужный Папуш-паша, турецкій посланникъ, и съ нимъ – драгоманъ миссіи, Кабобъ-Бей; маркизъ и маркиза Стейнъ, графъ Саутдаунъ, сэръ Питтъ и леди Дженни Кроли, мистеръ Уаггъ, и прочая. Вечернее собраніе мистриссъ Кроли удостоили своимъ визитомъ: вдовствующая дюшесса Стилтонъ, дюкъ де-ла-Грюйеръ, маркиза Чиширь, маркизъ Александръ Страчино, графъ де-Кри, баронъ Шпапцугеръ, кавалеръ Тости, графиня Слингстонъ, леди Макадамъ, генераль-майоръ и леди Гризельда Макбетъ съ дѣвками Макбетъ, виконтъ Паддингтонъ, сэръ Горацій Фоги, высокородный Сандсъ Бедуинъ, высокостепенный Боббахи Баггаудеръ», и проч, и проч. Читатель пріиметъ на себя трудъ дополнить своимъ воображеніемъ еще двѣнадцать строчекъ мелкой печати, испещренныхъ именами наилучшихъ людей.

И въ обращеніи съ вельможами, наша героиня наблюдала такую же откровенность, которая отличала ее въ сношеніяхъ съ людьми низкаго разряда. Однажды, среди блистательнаго общества, Ребекка – можетъ-быть изъ тщеславія, вздумала вести оживленную бесѣду на французскомъ діалектѣ съ парижскимъ артистомъ. Леди Гризельда Макбетъ, стоявшая подлѣ, наморщила свое чело и нахмурила бровы.

– Какъ хорошо вы говорите по французски! замѣтила леди Гризельда, которая сама, объясняясь на этомъ языкѣ, никакъ не могла освободиться отъ ирландскаго акцента.

– Не мудрено, миледи, отвѣчала Ребекка, скромно потупивъ свои зеленые глазки; – я преподавала французскій языкъ въ пансіонѣ, и притомъ мать моя была Француженка.

Леди Гризельда была побѣждена этой скромностью, и почувствовала невольное снисхожденіе къ нашей героинѣ. Она оплакивала роковыя понятія времени относительно добро-

качественности разнообразных и разнохарактерных породъ: но соглашалась въ душѣ, что по крайней мѣрѣ эта рагвенуе вела себя прилично, и никогда не забывала своего положенія въ джентльменскомъ кругу. Леди Гризельда была очень добрая женщина; сострадательна къ бѣднымъ, простодушна въ достаточной степени, незлопамятна и неподозрительна. Было бы весьма неосновательно обвинять ее за то, что она считала себя лучше насъ съ вами, одинъ изъ ея предковъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ Каракаллы.

Леди Стейнъ, послѣ музыкальной сцены, почувствовала тайное душевное расположеніе къ мистриссъ Бекки. Молодые леди гигантскаго дома принуждены были, одна за другою, уступить силѣ обстоятельствъ. Разъ или два, онѣ пытались напустить на нее извѣстѣйшихъ остроумцевъ, вооруженныхъ саркастическими эпитафиями; но этого имъ не удалось. блистательная леди Стоннингтонъ попробовала однажды выступить противъ нея съ огромнымъ запасомъ колкостей и насмѣшекъ, но неустрашимая мистриссъ Бекки поразила ее наповаль, при самомъ началѣ перестрѣлки. Готовая отразить непріятельскія нападенія во всякое время, она встрѣтила ихъ съ простодушнымъ и невиннымъ видомъ, который въ сущности дѣла, былъ въ ней опаснѣе самыхъ рѣзкихъ проявленій изступленной злобы. Въ такомъ расположеніи духа, она высказывала весьма наивно самыя оскорбительныя колкости, и въ то же время извинялась въ нихъ передъ всѣми самыми безыскусственнымъ образомъ, такъ-что каждый зналъ до мельчайшихъ подробностей, чѣмъ и какъ, въ данномъ случаѣ, она отразила своего врага.

Мистеръ Уаггъ, знаменитый острякъ и начальникъ всѣхъ траншей и подкоповъ милорда Стейна, былъ однажды подговоренъ нѣкоторыми дамами сдѣлать нападеніе на мистриссъ Бекки, и онъ взялся за это дѣло съ отчаянною смѣлостью, подмигнувъ напередъ своимъ прекраснымъ заговорщицамъ, какъ-будто желая сказать: «смотрите, какая пойдетъ потѣха». Вслѣдъ затѣмъ, онъ разразился безпощадною выходкой на бѣдняжку Бекки, которая между-тѣмъ, ничего не подозревая, спокойно сидѣла за обѣдомъ. Застигнутая такимъ-образомъ врасплохъ, но съ оружіемъ въ рукахъ Ребекка устремила на своего противника младенчески-невинный взоръ, и поразила его не въ бровь, а въ самый глазъ, такъ, что мистеръ Уаггъ покраснѣлъ, побагровѣлъ и совершенно растерялся. Свершивъ этотъ импровизированный подвигъ, она снова принялась за свои супъ, и простодушная улыбка озарила ея кроткое лицо. Великій патронъ Уагга, сидѣвшій тутъ же за обѣдомъ, бросилъ на него такой дикій, изступленный взглядъ, что несчастный готовъ былъ запрятаться подъ столъ, и расплакаться, какъ ребенокъ. Онъ жалобно взглянулъ на милорда, никогда неудостоившаго его своей бесѣдой за обѣдомъ; взглянулъ и на своихъ прекрасныхъ соучастницъ, которыя однакожь отвернулись отъ него съ замѣтнымъ пренебреженіемъ. Около шести недѣль, послѣ этой сцены, не приглашали его къ обѣду, и мистеръ Фичъ, довѣренное лицо милорда, получилъ приказаніе объявить Уаггу, что если онъ опять осмѣлится сказать какую-нибудь грубость мистриссъ Ребеккѣ Кроли, или сдѣлать ее мишенью своихъ глупыхъ шутокъ, то милордъ немедленно соберетъ и представить всѣ его долговыя обязательства, куда слѣдуетъ, и заморить его въ тюрьмѣ безъ всякаго милосердія и пощады, Уаггъ расплакался передъ Фичемъ, и умолялъ своего милаго друга замолвить за него словечко передъ милордомъ. Затѣмъ онъ написалъ мадригалъ въ честь мистриссъ Ребекки Кроли, появившійся въ ближайшемъ номерѣ «Гарумскарумскаго Магазина», гдѣ редакторомъ былъ самъ мистеръ Уаггъ. Усерднѣншія мольбы его обращались и къ самой Ребеккѣ, когда онъ встрѣчалъ ее въ знакомыхъ домахъ. Въ клубѣ онъ особенно старался угодить мистеру Родону, и завербовать его на свою сторону. Послѣ всѣхъ этихъ усилій и хлопотъ, мистеръ Уаггъ, черезъ нѣсколько времени, снова удостоился приглашенія въ Гигантскій домъ. Ребекка всегда была добра, и не думала сердиться на мистера Уагга.

Совсѣмъ иначе поступалъ мистеръ Венгемъ, визирь и главный довѣренный челядинецъ при особѣ лорда Стейна, имѣвшій мѣсто въ парламентѣ и за его столомъ; онъ былъ очень остороженъ въ своихъ мнѣніяхъ насчетъ мистриссъ Бекки, и дѣйствовалъ гораздо хитрѣе мистера Уагга. Венгемъ былъ въ душѣ заклятымъ ненавистникомъ всѣхъ выскочекъ и разночинцевъ,

залетѣвшихъ въ джентльменскій кругъ (самъ онъ, должно замѣтить, происходилъ отъ мелкаго торговца углями въ сѣверной Англіи); но тѣмъ не менѣе онъ ни разу не обнаруживалъ враждебныхъ чувствъ въ отношеніи къ новой любимицѣ маркиза Стейна. Совсѣмъ напротивъ: онъ преслѣдовалъ ее снисходительною учтивостію и покровительственными комплиментами, которые досаждали Ребеккѣ гораздо болѣе, чѣмъ открытая вражда другихъ особъ.

Гдѣ, какъ и откуда господа Кроли брали деньги на угощеніе въ своемъ домикѣ всѣхъ этихъ наилучшихъ джентльменовъ и леди, это оставалось тайной, доставлявшей обильную пищу досужимъ языкамъ, и которая, по всей вѣроятности, придавала особенный вкусъ веселымъ пиршествамъ мистриссъ Бекки. Нѣкоторыя догадывались, что сэръ Питтъ Кроли ежегодно выдавалъ брату значительную сумму на покрытіе домашнихъ расходовъ; предполагая основательность такой догадки, надлежало бы заключить, что Ребекка имѣла неограниченное вліяніе на баронета, и что характеръ его, съ теченіемъ времени, значительно измѣнился. Другіе намекали, будто мистриссъ Бекки завела похвальный обычай собирать контрибуцію со всѣхъ пріятелей своего мужа; къ одному приходила она вся въ слезахъ, и рассказывала, что немедленно послѣдуетъ опись всего ея движимаго имущества; передъ другимъ — она падала на колѣни, и объявляла, что все ея семейство должно идти въ тюрьму, или наложить на себя руки, если не будетъ выплачена такая-то сумма. Носился слухъ, будто лордъ Саутдаунъ, внимательный къ этимъ патетическимъ мольбамъ, переплатилъ ей многія сотни фунтовъ. Поговаривали также, будто молодой Фельтемъ, драгунъ, обязанный господамъ Кроли своимъ соприсчисленіемъ къ разряду лучшихъ людей (отецъ его былъ шляпный фабрикантъ и продавецъ оружейныхъ издѣлій), сдѣлался также жертвою мистриссъ Бекки по финансовой части. Нѣкоторые наконецъ объявляли подъ секретомъ за истинную правду, будто еще мистриссъ Родонъ выманивала деньги у многихъ простодушныхъ дураковъ на основаніи обѣщанія ходатайствовать за нихъ передъ правительствомъ о назначеніи имъ выгоднаго мѣста. Всего однакожь мы не беремся и пересчитать, что злые языки выдумывали для помраченія блестящей репутаціи нашей героини. Достоверно только то, что если бы мистриссъ Кроли дѣйствительно владѣла тѣми суммами, которыя, какъ увѣряли, она выманивала, запрашивала, занимала, крала — капиталъ ея, нѣтъ сомнѣнія, былъ бы огромный и совершенно достаточный для продолженія честной жизни, между-тѣмъ какъ... но объ этомъ рѣчь впереди.

Экономія въ хозяйствѣ значитъ очень много, и если вы съ умѣньемъ станете распоряжаться небольшимъ запасомъ наличныхъ денегъ, то дѣла ваши, по крайней мѣрѣ на время, пойдутъ блистательно на Базарѣ Житейской Суеты. Мы думаемъ и даже убѣждены, что вечернія собранія мистриссъ Бекки, которыя, впрочемъ, были не слишкомъ многочисленны и часты, стоили этой леди довольно дешево, особенно, если взять въ разсчетъ, что она платила наличными деньгами чуть-ли не за однѣ только восковыя свѣчи. Гемпширская мыза милорда Стейна и Королевина усадьба въ изобиліи снабжали ее дичью и садовыми плодами. Погребъ лорда Стейна находились въ полномъ распоряженіи мистриссъ Бекки, и знаменитые повара Гигантскаго дома президентствовали на ея кухнѣ, или, по приказанію милорда, изготовляли у себя дома разные снадобья для полковничьяго стола.

Стыдно злословить честныхъ людей, и я торжественно протестую передъ публикой противъ всѣхъ этихъ клеветъ, взведенныхъ на мою героиню. Десятая развѣ доля могла заключать частичку правды изъ всего, что о ней говорили. Что же изъ этого? Неужели мы станемъ выгонять изъ своего общества всѣхъ и cadaго, кто попадетъ въ неоплатные долги? Но въ такомъ случаѣ, повѣрьте мнѣ, міръ превратится въ необозримую пустыню, и на Базарѣ Житейской Суеты будетъ страшная тоска. Еслибы мы стали заглядывать въ кошелекъ своего собрата, и допытываться, чѣмъ и какъ онъ промышляетъ, ближній тогда возсталъ бы на ближняго, милостивые государи, и плоды современной цивилизаціи уничтожились бы навѣки. Ссорамъ, сплетнямъ, дракамъ не будетъ и конца; дома наши превратятся въ пещеры, и мы принуждены будемъ ходить въ рубищахъ и лохмотьяхъ. Балы и вечернія собранія прекратятся; купечество

обанкрутится; промышленность исчезнет. Вино, восковые свѣчи, бѣлила, румяна, брильянты, парики, наколки, ленты, булавки, бронза, фарфоръ, блестящія коляски съ вороными конями, все, все безъ исключенія отпавилось бы къ чорту, еслибы свѣтъ вздумалъ принимать только тѣхъ, кто нравится, и тщательно избѣгать тѣхъ, кого злословятъ. Но этого не будетъ. Взаимная терпимость утверждена съ, незапамятныхъ временъ на обоихъ полушаріяхъ планеты, и такой порядокъ дѣлъ будетъ продолжаться до скончанія вѣковъ. Позлословить своего ближняго не мѣшаетъ отъ скуки, или, отъ нечего дѣлать, и вы можете даже назвать его иногда негодеємъ; но неужели вы станете желать, чтобы повѣсили его на первой висѣлицѣ? Нѣтъ, нѣтъ, вы этого не хотите. Совсѣмъ напротивъ, вы терпите его въ своемъ обществѣ, и пожимаете ему руку при встрѣчѣ съ нимъ на дорогѣ. Если, притомъ, у него отличный поваръ и хорошее вино, вы рады обѣдать у него чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Вотъ отчего торговля процвѣтаетъ, цивилизація идетъ впередъ, модистки торжествуютъ, магазинщики блаженствуютъ, и виноградники мистера Лафита съ каждымъ годомъ принимаютъ обширнѣйшіе размѣры.

Въ тѣ блаженные времена Георга IV, которыя мы имѣемъ ечаствіе описывать, великосвѣтскія леди носили *gigots* и вплетали въ свои волосы огромныя гребенки наподобіе черепашковыхъ лопатокъ, между-тѣмъ какъ нынче у нихъ – простенькіе рукавички и плѣнительныя вѣнки на головахъ. Вотъ, кажется, и вся существенная разница, произведенная четвертью вѣка въ нравахъ и обычаяхъ модныхъ людей. Ихъ образъ жизни и эстетическія наслажденія такія же теперь, какъ были и тогда. Неизмѣняемость основаній и неизблемость принциповъ – ихъ существенныя свойства. Никто, по крайней мѣрѣ, не будетъ опровергать этой истины въ отношеніи къ наилучшимъ представительницамъ прекраснаго пола. Когда мы, скромные члены средняго сословія, смотримъ на этихъ воздушныхъ нимфъ, онѣ представляются намъ существами неземными, снизлетѣвшими сюда изъ другой планеты, и наслажденія ихъ отуманиваютъ наши взоры. Вотъ почему, имѣя въ виду доставить сердечное утѣшеніе своимъ братьямъ и сестрамъ по происхожденію, я рѣшился описать здѣсь похождение возлюбленной нашей Бекки, ея борьбу, триумфы, надежды, неудачи, съ которыми она, какъ и всякая смертная, одаренная талантливою душою, должна была сталкиваться на подмосткахъ житейскаго базара.

Въ эту эпоху перешла къ намъ изъ Франціи весьма пріятная забава играть въ шарады, быстро распространившаяся въ джентльменскомъ кругу, такъ-какъ многія леди находили въ ней для себя превосходный случай обнаружить свои прелести, и нѣкоторыя даже могли тутъ выставить напоказъ свою проницательность и умъ. Милордъ Стейнъ, дѣйствуя по указанію мистриссъ Бекки, считавшей себя равномѣрно и прекрасною и остроумною, рѣшился задать въ Гигантскомъ домѣ блестящій балъ, гдѣ, между прочимъ, будутъ представлены нѣкоторыя изъ этихъ миньятюрныхъ драмъ, доставляющихъ столько богатой пищи и сердцу, и уму, и воображенію, и чувству. Мы осмѣливаемся отворить для читателя двери въ это великолѣпное собраніе, причемъ съ прискорбіемъ извѣщаемъ всѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, что это уже послѣднее *soirée* въ джентльменскомъ вкусѣ, гдѣ благосклонный читатель будетъ присутствовать на Базарѣ Житейской Суеты.

Часть блистательной залы, составлявшей картинную галлерею Гигантскаго дома, превратилась въ шарадный театръ. Для этой же цѣли употребляли ее въ бывалыя времена еще при Георгѣ III. Здѣсь былъ, между-прочимъ, портретъ самого маркиза Гиганта, нарисованнаго во весь ростъ, съ напудренными волосами и розовыми лентами, въ римскомъ вкусѣ, какъ думали тогда. Художникъ уловилъ тотъ моментъ, когда маркизь торжественно выступаетъ на сцену въ роли Катона изъ трагедіи мистера Аддисона. Эта трагедія была разыграна здѣсь въ присутствіи принца валлінскаго, принца Вильяма Генриха, и епископа оснабургскаго. Кулисы и декораціи были опять, для этого торжественнаго случая, примесены сюда съ чердаковъ, гдѣ онѣ лежали дѣскольکو десятковъ лѣтъ, покрытые густыми слоями пыли,

Молодой Бедуинъ Сандсъ, въ ту пору изящный денди и восточный путешественникъ, сдѣланъ главнымъ распорядителемъ спектакля. Титулъ восточнаго путешественника звенѣлъ

вообще слишком громко въ тогдашнихъ ушахъ, и мистеръ Бедуинъ, прожившій нѣсколько мѣсяцевъ подъ палатками пустыни, и потомъ издавшій свои путевыя впечатлѣнія in-quarto, справедливо считался весьма замѣчательнымъ джентльменомъ между лучшими людьми. Должно замѣтить, что къ его изданію приложены были разнообразные рисунки восточныхъ костюмовъ, и притомъ онъ путешествовалъ въ сопровожденіи Негра весьма непривлекательной наружности, точь въ точь, какъ другой Бріанъ де-Буа-Гильбертъ. Такой путешественникъ, какъ Бедуинъ, съ его костюмами и чернымъ слугою, послужилъ, въ настоящемъ случаѣ, драгоценнѣйшею находкой для Гигантскаго дома.

Онъ выполнялъ первую шараду. Знатный Турокъ, съ огромнымъ тюрбаномъ на головѣ (предполагается, что янычары еще существуютъ, и тарбушъ не вытѣснилъ древняго и величественнаго головного убора правовѣрныхъ), лежитъ на диванѣ и куритъ наргиль, то есть, благовонный курительный порошокъ, изъ уваженія къ щекотливому обонянію дамъ. Турецкій сановникъ зѣваетъ немилосердо, и обнаруживаетъ разнообразные признаки скуки и лѣни. Вдругъ онъ хлопаетъ въ ладоши. Является Мицраимъ, Нубіецъ, съ голыми руками, кинжаломъ, ятаганомъ и другими восточными украшеніями. Онъ высокъ, дородень, отвратителенъ, гадокъ. Мицраимъ дѣлаетъ селямъ передъ милордомъ-агой.

Смѣшанныя чувства наслажденія и ужаса овладѣваютъ публикой. Дамы перешептываются. Черпый невольникъ подаренъ Сандсу Бедуину египетскимъ пашою въ промѣнъ за три дюжины бутылокъ мараскина. Мицраимъ такъ часто зашивалъ одалисокъ въ мѣшки и топилъ ихъ въ Нилѣ.

— Пусть войдетъ продавецъ невольницъ, говоритъ турецкій ага, дѣлая повелительный жестъ рукою.

Мицраимъ представляетъ продавца невольницъ передъ ясныя очи аги. Съ нимъ входитъ женщина, закрытая покрываломъ. Купецъ сдергиваетъ покрывало. Трепетъ восторга пробѣгаетъ по всей залѣ. Невольницу представляетъ мистриссъ Уинкѣуорсъ, леди съ прекрасными волосами и глазами. На ней великолѣпный восточный костюмъ: ея черные локоны унизаны брильянтами; золотые піастры блестятъ на ея платьѣ. Ненавистный поклонникъ Мухаммеда плѣняется ея красотой. Она падаетъ на колѣни, и умоляетъ агу возвратить ее въ горы, туда, гдѣ она родилась, гдѣ возлюбленный ея, молодой Черкесъ, оплакиваетъ отсутствіе своей Зюлейки. Но закоснѣлый Гассанъ не внемлетъ мольбамъ красавицы. Онъ смѣется, когда она говоритъ ему о своемъ женихѣ. Зюлейка закрываетъ руками свое лицо, и принимаетъ позу очаровательнаго отчаянія. Уже нѣтъ для нея никакой надежды, какъ... какъ вдругъ выступаетъ на сцену кизляръ-ага.

Кизляръ-ага приноситъ письмо отъ султана. Гассанъ получаетъ и кладетъ себѣ на голову страшный фирманъ. Смертельный ужасъ потрясаетъ его члены, между-тѣмъ какъ лицо Негра (тотъ же Мицраимъ, только въ другомъ костюмѣ) проникается дикою радостью. «Пощади! пощади!» кричитъ паша; но кпизляръ-ага, дѣлая страшную гримасу, вынимаетъ роковой снурокъ.

Занавѣсъ опускается въ ту минуту, когда начинаютъ приводить въ исполненіе фирманъ повелителя правовѣрныхъ.

— Первые два слога! кричитъ Гассанъ, и мистриссъ Родонъ Кроли, выступая теперь на сцену для выполненія своей роли въ шарадѣ, поздравляетъ мистриссъ Уинкѣуорсъ съ блистательнымъ успѣхомъ, и разсыпается въ комплиментахъ ея роскошному и вполнѣ изящному костюму.

Начиается вторая часть шарады. Дѣйствіе опять происходитъ на Востокѣ; Гассанъ, въ другомъ костюмѣ, стоитъ подлѣ Зюлейки, совершенно примирившейся съ нимъ. Кизляръ-ага превратился въ чернаго невольника. Восходитъ солнце въ пустынь. Турки обращаются головами къ востоку и преклоняются къ песку. За неимѣніемъ дромадеровъ, музыкальный оркестръ играетъ — «верблюды идутъ». На сценѣ появляется огромная египетская голова. Это — голова

музыкальная, и къ удивленію восточныхъ путешественниковъ, она поетъ комическую пѣсню, сочиненную мистеромъ Уаггомъ. Восточные путешественники отплясываютъ, какъ Папагено и Маврскій Король въ «Волшебной Флейтѣ».

— Послѣдніе два слога! проревѣла голова.

Эгистъ, трепещущій и блѣдный, прокрадывается на цыпочкахъ. Но что это за страшная, зловѣщая фигура выставляется изъ-за перегородки? Эгистъ заноситъ свои кинжалъ на пораженіе спящаго воина, который, въ эту минуту, поворачивается въ постели и открываетъ свою широкую грудь, какъ-будто подставляя ее подъ ударъ. Рука Эгиста дрожитъ, и у него недостаетъ духа поразить благороднаго вождя. Клитемнестра быстро проскользаетъ въ комнату, какъ призракъ. Ея обнаженные руки бѣлы какъ снѣгъ, темнорусые волосы волнуются по ея плечамъ, лицо покрыто смертною блѣдностью, и глаза ея сверкаютъ такою убійственною, адскою улыбкой, что зрители проникаются невольнымъ трепетомъ при взглядѣ на нее.

— Великій Боже! Неужели это мистриссъ Родонъ Кроли? раздался чей-то голосъ изъ толпы.

Трепетъ ужаса пробѣгаетъ по всей залѣ. Клитемнестра между-тѣмъ съ презрѣніемъ выхватываетъ кинжалъ изъ рукъ Эгиста, и подходитъ къ постели. При мерцаніи лампы, она склоняется надъ головой спящаго воина... лампа гаснетъ... раздается стонъ. Все темно.

Внезапный мракъ и быстрота совершившейся сцены перепугали всѣхъ джентльменовъ и леди. Ребекка выполнила свою роль такъ натурально и съ такимъ демонскимъ искусствомъ, что зрители онѣмѣли отъ изумленія, и никто изъ нихъ не могъ произнести ни одного звука, пока снова не засвѣтились лампы. Но тутъ уже оглушительныя рукоплесканія послужили самымъ искреннимъ выраженіемъ всеобщаго восторга.

— Bravo! bravo! bravo! закричалъ лордъ Стейнъ, и голосъ его заглушилъ громкій говоръ всей остальной публики. Но вѣдь это, господа, такъ натурально, такъ натурально, что... про-бормоталъ онъ потомъ сквозь зубы.

Затѣмъ послѣдоваль дружный вызовъ благородныхъ актеровъ и актрисъ.

— Клитемнестру! Пашу! Клитемнестру! Агамемнонъ не могъ вдругъ показаться въ своей классической туникѣ; онъ остановился на заднемъ планѣ вмѣстѣ съ Эгистомъ и другими исполнителями этой маленькой драмы. Мистеръ Бедуинъ Сандсъ вывелъ Зюлейку и Клитемнестру. Одинъ знатный вельможа непремѣнно хотѣлъ, чтобы его тотчасъ же представили Клитемнестрѣ.

— Мистриссъ Родонъ Кроли была убійственно-очаровательна въ своей роли, замѣтили лордъ Стейнъ.

Озаренная торжественной улыбкой; Бекки раскланивалась передъ зрителями, какъ истинная артистка.

Между-тѣмъ явились официанты съ прохладительными лакомствами на огромныхъ подносахъ. Актеры исчезли со сцены, чтобы приготовиться ко второй шарадной картинѣ.

Три слога этой шарады надлежало изобразить въ пантомимѣ, и выполнение послѣдовало въ слѣдующемъ порядкѣ:

Первый слогъ. Полковникъ Родонъ Кроли, въ длинномъ сюртукѣ, въ шляпѣ съ широкими полями, съ палкой и фонаремъ въ рукахъ, занятымъ изъ конюшни, проходитъ черезъ сцену, брюзгливымъ крикомъ какъ-будто желая показать обитателямъ дома, что ужъ пора ложиться спать. У нижняго окна сидятъ двое купеческихъ прикащиковъ, и кажется играютъ въ криббиджъ. Игра тянется вяло, и они зѣваютъ. Къ нимъ подходитъ молодой человѣкъ, повидимому, половой (Джорджъ Рингвудъ, выполнившій эту роль въ совершенствѣ), и останавливаетъ ихъ среди партіи. Скоро появляется горничная (лордъ Саутдаунъ) съ нагрѣвальникомъ и двумя шандалами. Она входитъ въ верхнюю комнату, и нагрѣваетъ постель. Жаровня въ ея рукахъ служить орудіемъ для привлеченія къ ней вниманія прикащиковъ. Горничная уходитъ.

Прикащики надѣваютъ ночные колпаки и опускаютъ сторы. Половой выходитъ, и запираетъ снаружи ставни. Затѣмъ вы слышите, какъ при возвращеніи въ комнату, онъ запираетъ дверь изнутри желѣзнымъ болтомъ. Оркестръ играетъ: «*dormez, dormez, chers Amours*». Голосъ изъ-за занавѣса говоритъ: «Первый слогъ».

Второй слогъ. Лампы внезапно зажигаются. Музыка играетъ старинный маршъ изъ «Джона Парижскаго»: ah, quel plaisir d'être en voyage. Сцена та же. Между первымъ и вторымъ этажемъ дома зрители видятъ гербы Стейна. Раздается звонъ колокольчиковъ по всему дому. Въ нижней комнатѣ какой-то человѣкъ передаетъ другому исписанный клочокъ бумаги; тотъ беретъ его, читаетъ, принимаетъ грозную позу, сжимаетъ кулакъ, и говоритъ, что это безстыдно. «Конюхъ, подавай мою одноколку!» кричитъ другой человѣкъ, остановившійся въ дверяхъ. Онъ улыбается горничной (лорду Саутдауну) и ласкаетъ ее за подбородокъ. Молодая дѣвушка, повидимому, оплакиваетъ его отсутствіе, какъ нѣкогда Калипса плакала о другомъ отъѣзжающемъ путешественникѣ, Улисѣ. Половой (Джорджъ Рингвудъ) проходитъ по сценѣ съ деревяннымъ ящикомъ, наполненнымъ серебряными флакончиками, и кричитъ: «Горшки» – съ такимъ неподдѣльнымъ юморомъ и натуральностью, что зала дрожитъ отъ рукоплесканій, и букетъ падаетъ на сцену. Раздается хлопанье бичей. Хозяинъ, горничная, половой, бѣгутъ къ дверямъ, но въ эту минуту является какой-то зименитый гость. Занавѣсъ опускается, и невидимый режиссёръ театра кричитъ: «Второй слогъ».

– Это должно быть «Гостинница», говоритъ капитанъ Бриггсъ.

Зрители смѣются надъ догадливостью капитана, хотя былъ онъ весьма близокъ къ истинѣ.

Передъ третьимъ слогомъ оркестръ играетъ разныя морскія мелодіи: «Rule Britannia», «Затихни Борей», и проч. Будетъ вѣроятно морская сцена. Съ поднятіемъ занавѣса раздается звонъ колокола. «Ну, братцы, къ берегу!» кричитъ чей-то голосъ. Пассажиры прощаются другъ съ другомъ. Нѣкоторые съ безпокойствомъ указываютъ на облака, представляемыя на сценѣ темной занавѣской, и тревожно киваютъ головами. Леди Скримсъ (Лордъ Саутдаунъ) съ ридикюлями, узелками и собачкой, и мужъ ея садятся на полъ, и стараются ухватиться за канатъ, Дѣйствіе очевидно происходитъ на кораблѣ.

Капитанъ (полковникъ Кроли) въ треугольной шляпѣ и съ телескопомъ въ рукахъ, выходитъ на палубу и озирается во всѣ стороны, поддерживая въ то же время шляпу на головѣ. Полы его сюртука развѣваются какъ-будто отъ сильнаго вѣтра. Когда рука его опускается, чтобы направить телескопъ къ глазамъ, шляпа слетаетъ съ его головы, и публика апплодируетъ. Вѣтеръ становится сильнѣе; музыка гремитъ громче и громче; пассажиры и матросы, качаемые вѣтромъ, перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, какъ-будто на кораблѣ происходитъ сильнѣйшая качка. Буфетчикъ (г. Рингвудъ) выбѣгаетъ на сцену съ шестью тазами, и одинъ изъ нихъ ставитъ передъ лордомъ Скримсомъ. Леди Скримсъ даетъ толчокъ своей болонкѣ, и та испускаетъ жалобный визгъ. Потомъ она приставляетъ платокъ къ лицу, и дѣлаетъ видъ, что уходитъ въ каюту. Звуки оркестра достигаютъ до неистоваго волненія, и третій слогъ приведенъ къ концу.

Затѣмъ послѣдовалъ небольшой балетъ «Le Rossignol», доставившій въ тѣ дни блестящую извѣстность господамъ Монтею и Нобле. Мистеръ Уагъ перенесъ этого «Соловья» на англійскую сцену въ видѣ опернаго балета, къ которому онъ, какъ искусный стихотворецъ, приклеилъ изящные стихи. Актеры выступили во французскихъ костюмахъ. Лордъ Саутдаунъ превратился теперь въ хромую и брюзгливую старуху, вооруженную клюкою.

За сценой послышались мелодическія трели, выходившія изъ маленькой живописной хижинки, покрытой цвѣтами.

– Филомела! Филомела! кричитъ старуха,

Филомела выходитъ. Дружныя рукоплесканія встрѣчаютъ ее въ залѣ. Это опять мистриссъ Родонъ Кроли, напудренная и въ мушкахъ, какъ очаровательнѣйшая маркиза въ мірѣ.

Она смѣется, поетъ, и выпархивая на авансцену со всею невинностью театральной юности, восхитительно раскланивается передъ публикой. Мать спрашиваетъ.

– Отчего ты, дитя мое, все смѣешься и поешь?

Филомела поетъ:

«Роза на моемъ балконѣ всю зиму безъ листьевъ стояла, утренній воздухъ вдыхая, и тоскливо дожидаясь весны. Отчего же теперь цвѣтетъ моя роза, и благовонный запахъ исходитъ изъ ея усть? Оттого, мама, что весеннее солнце восходитъ, и птички громко поютъ, порхая по небесной лазури.

«Соловей молчалъ между обнаженными кустами, и уныло прислушивался къ завываніямъ зимняго вѣтра, но громко соловьиная трель раздается теперь по зеленой рошѣ, и слышенъ его голосъ въ тиши ночной. Отчего же вдругъ такъ весело запѣлъ голосистый соловей? Оттого, милая мама, что взошло весеннее солнце, и листья зазеленѣли на деревьяхъ.

«Всему своя очередь, мама: птицамъ пѣть, розамъ цвѣсти и отцвѣтать, солнцу всходить к заходу. Лучъ весенняго солнца пробудилъ жизнь и веселье въ моемъ сердцѣ: вотъ отчего, милая мама, я засмѣялась и запѣла».

Въ промежуткахъ между стансами этой пѣсни, *милая мама* съ густыми и длинными усами, едва прикрытыми ея старушечьимъ чепцомъ, обнаруживала казалось самое нѣжное влеченіе къ своей рѣзвой дочкѣ, и не разъ стрмилась прижать ея къ своему материнскому сердцу. Симпатизирующая публика встрѣчала эти ласки съ громкимъ хохотомъ и оглушительными одобреніями. Оркестръ между-тѣмъ выполнялъ симфонію, искусно подражая щебетанію птицъ и соловьиной трели. Удовлетворяя общему желанію восторженной публики, Бекки еще разъ пропѣла свою пѣсню. Рукоплесканія и безконечные букеты посыпались на *Соловья*. Могучій голосъ лорда Стейна раздавался громче всѣхъ. Бекки-Соловей, подбирая цвѣты, которые онъ бросалъ ей, прижимала ихъ къ своему сердцу, съ видомъ совершеннѣйшей актрисы. Лордъ Стейнъ бѣсновался отъ восторга. Энтузіазмъ его гостей принималъ грандіозные размѣры. Куда дѣвалась прекрасная черноокая Черкешенка, возбуждавшая къ себѣ такое сочувствіе въ первой шарадѣ? Она была вдвое красивѣе Бекки, но наша героиня совершенно затмила ее своимъ блескомъ. Всѣ голоса были на сторонѣ мистриссъ Родонъ. Стефенсъ, Карадори. Ронци-де-Беньи и другія артистическія имена попеременно были примѣняемы къ ней, и всѣ единодушно согласились, что если бы мистриссъ Кроли была на сценѣ, никто, безъ всякаго сомнѣнія, не сравнялся бы съ нею. Ребекка взобралась въ этотъ вечеръ на самыя верхнія ступени величія и славы: ея голосъ раздавался звонкой трелью надъ бурей рукоплесканій, и былъ столько же высокъ, какъ ея триумфъ.

Послѣ драматическаго спектакля открылся балъ. Всѣ и каждый толпились вокругъ Бекки, и она служила притягательнымъ пунктомъ во весь этотъ вечеръ. Одинъ знатный вельможа, родственникъ самого милорда Бумбумбума, объявилъ напрямикъ, что Ребекка – олицетворенное совершенство, и онъ безпрестанно вступалъ съ ней въ разговоръ. Всѣ эти почести туманили и кружили голову торжествующей артистки, и передъ ней открылось необозримое поле блистательныхъ успѣховъ въ модномъ свѣтѣ. Лордъ Стейнъ, неразлучный ея невольникъ, слѣдовалъ за ней повсюду, и оставлялъ почти безъ вниманія всѣхъ другихъ гостей. Когда начались танцы, она протанцовала менуэтъ съ мосьё де-Трюффины, чиновникомъ французскаго посольства изъ свиты герцога де-ла-Жаботьеръ. Герцогъ помнилъ всѣ артистическія преданія европейскихъ театровъ, и объявилъ положительно, что мадамъ Кроли могла бы назваться достойною ученицею самого геніальнаго Вестриса. Онъ бы и самъ непрочь танцовать съ нею весь вечеръ, если бы не мѣшала подагра и чувство сознанія возвышенности своего поста. Онъ былъ очень радъ, когда ему сказали, что Ребекка – полуфранцуженка по происхожденію.

– Такъ и должно быть, отозвался Monsieur le duc de la Jabotière, – одна только Фраицуженка можетъ говорить и танцовать съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ.

Затѣмъ вальсировалъ съ нею донъ Педро Клегенспоръ, кузень Петерварадима, принадлежавшій къ его свитѣ. Великій грандъ Испаніи и Португаліи, донъ Петерварадинъ, забывая свою дипломатическую сановитость, рѣшился также ангажировать на вальсъ эту очаровательную персону, и принялся вертѣться съ нею вокругъ залы, разсыпая по паркету брильянты изъ кисточекъ своихъ ботфортовъ и гусарскаго ментика. Самъ Папушъ-паша былъ бы очень радъ танцевать съ мистриссъ Бекки, если бы эта забава сообразовалась сколько-нибудь съ обычаями правовѣрныхъ. Группы наилучшихъ джентльменовъ безпрестанно тѣснились вокругъ нея, и апплодировали съ такимъ бурнымъ энтузіазмомъ, какъ-будто Бекки была какая-нибудь Тальйони или Нобле. Всѣ были въ очаровательномъ упоеніи, не исключая, разумѣется, и самой мистриссъ Кроли. Съ горделивымъ презрѣніемъ она проходила мимо леди Стоннингтонъ, и принимала покровительственный видъ въ отношеніи къ леди Гигантъ и ея озадаченной невѣсткѣ. Соперницы ея были побѣждены и уничтожены. Куда дѣвалась теперь бѣдная мистриссъ Уикъуоръ съ ея длинными волосами и большими черными глазами, производившими такой эффектъ при началѣ этого блистательнаго вечера? Нигдѣ не было ея. Если бы мистриссъ Уикъуоръ выплакала всѣ свои глаза, и вздумала рвать на себѣ волосы, никто бы вѣроятно не замѣтилъ ея тоски и душевнаго разстройства.

Но величайшій триумфъ былъ еще впереди, — за ужиномъ. Мистриссъ Бекки удостоилась чести сидѣть среди знаменитѣйшихъ вельможъ, и кушать на золотыхъ приборахъ. Какъ новая Клеопатра среди этого блистательнаго собранія, она могла бы плотать перлы въ бокалахъ шампанскаго, если бы только пожелала, и донъ Петерварадинъ охотно бы пожертвовалъ всѣми своими брильянтами за одинъ ласковый и нѣжный взглядъ изъ ея искрометныхъ глазокъ. Жаботьеръ писалъ о ней своему правительству. Дамы за другими столами, кушавшія на серебрѣ, и наблюдавшія за постояннымъ къ ней вниманіемъ лорда Стейна, клятвенно увѣряя, что милордъ, совершенно потерявшій голову, наносятъ чудовищное оскорбленіе всѣмъ великосвѣтскимъ леди. Если бы сарказмъ могъ производить убійственныя послѣдствія въ буквальномъ смыслѣ этого слова, леди Стоннингтонъ уже давно убила бы Ребекку.

Триумфы этого рода пугали и тревожили бѣднаго Родона Кроли, и онъ съ прискорбіемъ замѣчалъ, что жена его, всѣми обожаемая, отдаляется отъ него больше и больше. Съ болѣзненнымъ чувствомъ онъ признавался самому себѣ, что Ребекка стоитъ выше его неизмѣримо.

При разѣздѣ послѣ бала, молодые люди толпами хлынули за мистриссъ Кроли къ ея каретѣ, вызванной вдругъ нѣсколькими голосами. Крикъ этотъ былъ подхваченъ десятками факельщиковъ, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ воротъ Гигантскаго Дома, и наперерывъ спѣшившихъ принести искреннее поздравленіе всякому выходившему джентльмену съ изъясненіемъ надежды, что «его превосходительству» было конечно весело въ этотъ вечеръ.

Карета мистриссъ Родонъ, послѣ громкихъ возгласовъ, вкатилась на иллюминированный дворъ, и остановилась у крытаго подъѣзда. Родонъ посадилъ свою жену, и экипажъ помчался. Мистеръ Венгемъ вызвался съ полковникомъ идти пѣшкомъ, и предложилъ ему сигару.

Закуривъ сигару у одного изъ факельщиковъ, стоявшихъ у воротъ, Родонъ отправился съ пріятелемъ своимъ Венгемомъ. Въ эту минуту, два человѣка отдѣлились отъ толпы, и послѣдовали за джентльменами. Лишь-только Родонъ и Венгемъ повернули за уголъ Гигантскаго Сквера, одинъ изъ этихъ людей, выступивъ впередъ, притронулся къ плечу полковника, и сказалъ:

— Прошу извинить, сэръ, я долженъ переговорить съ вами по секрету объ одномъ важномъ дѣлѣ.

За этими словами, другой незнакомецъ громко свиснулъ, и въ то же мгновеніе, отъ воротъ Гигантскаго Дома отдѣлился одинъ кабріолетъ. Сдѣлавъ этотъ сигналъ, незнакомецъ загородилъ полковнику дорогу.

Родонъ Кроли мигомъ смекнулъ въ чемъ дѣло: его окружили помощники шерифа, вѣроятно вслѣдствіе жалобы кого-нибудь изъ его многочисленныхъ кредиторовъ. Онъ отпрянулъ назадъ съ угрожающимъ жестомъ отъ джентльмена, который сперва прикоснулся къ его плечу.

– Сопротивленіе бесполезно, милостивый государь, сказалъ джентльмень, – насъ здѣсь трое.

– Вы что ль это Моссъ? сказалъ полковникъ, угадавшій, повидимому. этого собесѣдника. – Сколько же?

– Бездѣлица, шепнулъ мистеръ Моссъ, помощникъ миддльсекскаго шерифа, что на Курситоръ-Стритъ, – всего только сто-шестьдесятъ-шесть фунтовъ, шесть шиллинговъ и восемь пенсовъ, по форменной жалобѣ мистера Натана.

– Ради Бога, Венгемъ, одолжите мнѣ сто фунтовъ, сказалъ бѣдный Родонъ, – дома у меня наберется около семидесяти.

– А у меня, въ цѣломъ свѣтѣ, не наберется и десяти, отвѣчалъ Венгемъ, – спокойной ночи, почтеннѣйшій.

– Спокойной ночи, сказалъ Родонъ жалобнымъ тономъ.

И Венгемъ пошелъ своей дорогой. Мистеръ Родонъ Кроли докурить свою сигару, когда кабріолетъ его подѣхалъ къ дому мистера Мосса.

Глава LI

Лордъ Стейнъ выставляется въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ

Лордъ Стейнъ ничего не дѣлалъ въ-половину; и если онъ рѣшался благодѣтельствовать какому-нибудь смертному, то ужъ благодѣтельствовалъ вполне, безъ числа и мѣры. Это между прочимъ, къ великой чести милорда, испытало на себѣ джентльменское семейство, проживавшее на Курцонской улицѣ.

Прежде всего благодѣянiя лорда Стейна обратились на малютку Родона. Онъ указалъ его родителямъ на необходимость отправить мальчика въ какое-нибудь общественное заведенiе, гдѣ бы онъ могъ получить образованiе, соотвѣтствующее его будущему назначенiю въ свѣтѣ. Родя ужъ въ такомъ возрастѣ, говорилъ лордъ Стейнъ, когда первыя основанiя латинскаго языка, дѣтское соревнованiе, гимнастическiя упражненiя и общество школьныхъ товарищей, могутъ принести ему величайшую пользу. Отецъ возразилъ на это, что скудныя средства не позволяютъ ему отправить мальчика въ хорошую общественную школу, между-тѣмъ какъ маменька замѣтила весьма основательно, что миссъ Бриггсъ – превосходная наставница и руководительница для ея малютки. Она учила его англiйскому языку, первоначалiямъ латинской этимологiи, и вообще всѣмъ наукамъ, доступнымъ возрасту юнаго Родона. Но всѣ эти возраженiя исчезли передъ великодушною настойчивостiю маркиза Стейна. Милордъ былъ одинъ изъ попечителей стариннаго учебнаго заведенiя, извѣстнаго подъ именемъ «Бѣлаго Собратства». Встарину былъ здѣсь цистерцианскiй монастырь, и подлѣ него находилось обширное поле для турнировъ, называемое Смитфильдъ, гдѣ, какъ извѣстно, сожигали закоснѣлыхъ и упрямыхъ еретиковъ. Генрихъ VIII, покровитель и защитникъ вѣры, удалялъ отсюда сварливыхъ доминиканцевъ, оказавшихъ сопротивленiе его реформѣ. Наконецъ какой-то богатый негоциантъ купилъ этотъ домъ съ принадлежащею къ нему землею, и при помощи значительныхъ пожертвованiй отъ другихъ лицъ деньгами и вещами, учредилъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ богоугодное заведенiе для стариковъ, старухъ и дѣтей. Основанiе училищу положено почти подлѣ древнихъ монастырскихъ стѣнъ, и эта школа существуетъ до настоящаго времени со всѣми средневѣковыми обычаями, постановленiями и средневѣковымъ костюмомъ.

Посѣтителеми этого заведенiя сдѣлались величайшiе нобльмены, прелаты и нѣкоторые изъ первыхъ сановниковъ государства, и такъ-какъ дѣти имѣли здѣсь весьма удобное помѣщенiе, хорошiй столъ и приличное платьѣ, и притомъ могли поступать прямо въ Оксфордскiй университетъ, откуда, по окончанiи курса, прiискивались для нихъ хорошiя мѣста по духовной части, то многiе джентльмены средней руки были очень рады помѣщать туда своихъ сыновей, и богатые люди охотно продолжали дѣлать вклады на поддержку этого, истинно-филантропическаго института. Первоначально институтъ былъ исключительно назначенъ для бѣдныхъ мальчиковъ изъ духовнаго и свѣтскаго сословiя, но впослѣдствiи великодушные попечители заведенiя разсудили весьма основательно, что благодѣянiя должны изливаться на всѣхъ подданныхъ Трехъ Соединенныхъ Королевствъ. Богатые люди съ своей стороны разсчитали съ удовлетворительною прозорливостiю, что было бы безразсудно, кому бы то ни было, презирать заведенiе, гдѣ можно было даромъ получить отличное образованiе и благонадежныя средства къ существованiю. На этомъ основанiи, многiе великiе люди начали отправлять туда не только сыновей своихъ родственниковъ, но и собственныхъ своихъ дѣтей, предоставляя себѣ, на всякiй случай, полное право покровительствовать дѣтей своихъ усердныхъ слугъ. Такимъ-образомъ, молодой человѣкъ, при вступленiи въ заведенiе, находилъ для себя сверстниковъ изъ всѣхъ сословiй.

Родонъ Кроли въ жизнь свою не читаль ничего кромѣ «Календаря лошадиныхъ скачекъ», его воспоминанія ограничились главнѣйшимъ образомъ розгами, которыя получаль онъ въ Итонскомъ Коллегіумѣ. При всемъ томъ, честный полковникъ, какъ и всѣ англійскіе джентльмены, питаль благоговѣйное уваженіе къ классическому образованію, и радовался душевно, что сынъ его, обеспеченный въ средствахъ къ существованію, сдѣлается современемъ быть-можетъ ученымъ человѣкомъ. И хотя юный Родонъ, единственный его другъ и собесѣдникъ, былъ съ нимъ соединенъ тысячу нѣжнѣйшихъ узъ, неизвѣстныхъ для мистриссъ Бекки, совершенно равнодушной къ сыну, однакожь, тѣмъ не менѣе, полковникъ тотчасъ же согласился на разлуку съ мальчикомъ, имѣя въ виду его будущее счастье. Но прежде, чѣмъ разлука наступила, Родонъ еще не зналъ и самъ, какъ сильно онъ былъ привязанъ къ этому малюткѣ. Грусть и тоска овладѣли бѣднымъ отцомъ, и съ отъѣздомъ сына онъ почувствовалъ себя гораздо печальнѣе, чѣмъ самъ юный Родонъ, который съ радостью вступалъ на новую карьеру, надѣясь найти для себя веселое развлеченіе между многочисленными сверстниками. Два или три раза Бекки принималась хохотать, когда полковникъ простодушно и безсвязно выражалъ свою грусть при отъѣздѣ сына. Осиротѣлый отецъ глубоко почувствовалъ, что теперь отняли у него единственное сокровище въ мірѣ. Часто и тоскливо смотрѣлъ онъ на маленькую постель въ уборной, гдѣ спалъ другъ его, Родя. Отсутствие его становилось особенно замѣтнымъ по утрамъ, когда полковникъ выходилъ гулять безъ него по парку. Онъ не подозрѣвалъ своего совершеннаго одиночества на бѣломъ свѣтѣ, прежде чѣмъ не отправили въ школу его сына. Полковникъ искренно привязался къ тѣмъ особамъ, которыя любили и ласкали его Родю. Часто ходилъ онъ къ леди Дженни, и сидѣлъ съ нею по цѣлымъ часамъ, разговаривая о нравственности, умѣ, живости характера и о множествѣ другихъ превосходныхъ свойствъ, замѣчаемыхъ въ юномъ Родонѣ.

Леди Дженни и маленькая дочь ея, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно любили маленькаго Родю, и проливали искреннія слезы при отправленіи его въ школу. Родонъ-старшій сердечно благодарилъ и мать, и дочь, за это нѣжное вниманіе. Лучшія и благороднѣйшія чувства мужчины свободно исходили изъ его отцовской груди, встрѣчая симпатію женщинъ. Леди Дженни начала душевно уважать своего добраго родственника за всѣ эти чувства, которыхъ онъ не смѣлъ обнаружить передъ собственной женой. Невѣстки между-тѣмъ старались встрѣчаться какъ-можно рѣже. Бекки почти открыто смѣялась надъ добродушіемъ леди Дженни, которая въ свою очередь не могла равнодушно смотрѣть на заносчивыя выходки супруги добраго полковника.

Такимъ-образомъ, Родонъ Кроли уже начиналъ чуждаться своей жены, даже болѣе, чѣмъ сколько самъ могъ замѣтить сначала. Это, однакожь, нисколько не тревожило мистриссъ Бекки. Ей нечего было терять въ своемъ мужѣ, потому-что онъ, какъ смиренный и безотвѣтный невольникъ, былъ ей только нуженъ для посылокъ. Пусть онъ груститъ, ворчитъ, хмурится или смѣется: Ребекка ничего не замѣчала, и не хотѣла замѣчать. Да и до того ли ей было? надлежало ей подумать о своемъ положеніи, о перспективѣ блистательныхъ удовольствій, потому-что, какъ всякій видитъ, мистриссъ Кроли должна занять высокое мѣсто въ джентльменскомъ кругу.

Честная Бриггсъ купила для Родя маленькую скрипку, передъ его отправленіемъ въ школу. Горничная Молли расплакалась въ снѣгахъ, когда провожала малютку; ей было жаль его, несмотря на то, что господа уже давнымъ-давно не платили жалованья этой доброй и вѣрной служанкѣ. Мистриссъ Бекки не позволила мужу взять свою коляску для отправленія Родя. «Кчему это брать лошадей въ Сити? сказала она, – слыханое ли дѣло. Пусть наймутъ извозчика.» Она и не поцаловала сына передъ отъѣздомъ. Малютка тоже не обнаружилъ особеннаго желанія броситься въ материнскія объятія, но онъ охотно поцаловалъ старушку Бриггсъ, робкую въ изліяніи сердечныхъ ощущеній, и утѣшилъ ее обѣщаніемъ пріѣзжать домой каждую субботу. Когда извозничій кабріолетъ потащился въ Сити, великолѣпная коляска мистриссъ

Бекки помчалась къ Парку. И когда отецъ и сынъ входили въ старинныя ворота благотворительнаго имститута, мистриссъ Родонъ весело разговаривала и смѣялась, окруженная десятками молодыхъ львовъ и денди. Послѣ окончательной разлуки съ сыномъ, Родонъ-старшій вышелъ изъ школы съ разтерзанной душой и убитымъ сердцемъ – чего еще никогда не случилось съ нимъ съ той поры, какъ онъ самъ оставилъ дѣтскую колыбель.

Въ такомъ расположеніи духа воротился онъ домой, и обѣдалъ въ тотъ день наединѣ съ миссъ Бриггсъ. Онъ былъ очень ласковъ и предупредителенъ къ этой старой дѣвицѣ, и душевно благодарилъ ее за любовь и нѣжное вниманіе къ малюткѣ. Совѣсть немножко упрекала его, что онъ воспользовался съ женою ея деньгами, взявъ ихъ взаймы безъ отдачи. Долго они говорили о маленькомъ Родѣ, и о тѣхъ надеждахъ, которыя подавалъ этотъ прелестный мальчикъ. Бекки не мѣшала имъ: она завернула домой только переодѣться, и потомъ уѣхала обѣдать въ гости. Вечеромъ Родонъ Кроли отправился на Гигантскую улицу пить чай къ леди Дженни. Онъ разсказалъ ей обо всемъ, что случилось. Родя влетѣлъ козыремъ въ свой нумеръ, гдѣ надѣли на него длинный сюртукъ и коротенькіе панталоны. Молодой Бляккболль, сынъ Джека Болля, старого сослуживца, взялъ его подъ свое покровительство, и обѣщался обходиться съ нимъ ласково.

Въ теченіе одной недѣли Бляккболль вышколилъ изъ малютки Родона отличнаго парня: онъ заставлялъ его чистить сапоги, поджаривать къ чаю пирожки, и учить латинскія склоненія наравнѣ съ англійской этимологіей. Три или четыре раза онъ поколотилъ неопытнаго новичка, но не слишкомъ больно: патрону понравилось добродушное и откровенное лицо маленькаго Родона. Если его били и заставляли чистить сапоги, такъ это собственно говоря, Бляккболль дѣлалъ для его же пользы; кто не знаетъ, что всѣ эти обязанности составляютъ существенную и необходимую часть при воспитаніи молодаго англійскаго джентльмена.

Мы, однакожъ, не намѣрены слѣдить здѣсь за возрастаніемъ этого втораго поколѣнія, и отдавать читателю подробный отчетъ въ успѣхахъ юнаго Родона, иначе исторія наша, въ такомъ случаѣ, можетъ дойти до безконечнаго размѣра. Черезъ нѣсколько дней полковникъ навѣстилъ своего сына, и нашелъ, что онъ, слава Богу, здоровъ и счастливъ. Родя щеголялъ въ длиннополомъ сюртукѣ и коротенькихъ панталонахъ.

Родонъ-старшій старался приласкать и задобрить на свою сторону Бляккболля, и тотъ обѣщался по чистой совѣсти, оказывать всевозможное благоволеніе къ его сыну. Думать надобно, что и училищное начальство тоже расположено было снисходительно смотрѣть на юнаго питомца, какъ на protégé великаго лорда Стейна. Ктому же онъ былъ племянникомъ знаменитаго представителя Гемпшира и сыномъ полковника, кавалера Бани, котораго имя довольно часто появлялось въ «Morning Post» среди наилучшихъ фамилій. Имѣя весьма порядочный запасъ карманныхъ денегъ, Родя щедро угощалъ своихъ товарищей малиновыми тортами, и вскорѣ поставилъ себя съ ними на самую дружескую ногу. Каждую субботу аккуратно отпускали его въ родительской домъ, на Курцонскую улицу, и этотъ день становился для его отца настоящимъ юбилеемъ. Свободный отъ своихъ собственныхъ занятій, Родонъ-старшій ходилъ съ нимъ въ театръ, или отправлялъ его туда съ лакеемъ. По воскресеньямъ Родя ѣздилъ въ церковь съ миссъ Бриггсъ и леди Дженни. Онъ подробно разсказывалъ отцу о своей новой жизни въ школѣ, и тотъ, въ короткое время не хуже самого Роды, узналъ всѣхъ его товарищей и учителей. Однажды онъ пригласилъ къ себѣ изъ училища одного изъ пріятелей маленькаго Родона, и сводивъ обоихъ мальчиковъ въ театръ, нашпиговалъ ихъ разными лакомствами до того, что они чуть не слегли въ постель. Онъ старался показать, что ему знакомъ латинскій языкъ, когда юный Родонъ указывалъ, какъ далеко зашелъ онъ въ грамматикѣ латинской.

– Учись, мой другъ, учись! говорилъ отецъ съ глубокою важностью. Ничего не можетъ быть лучше хорошаго классическаго образованія, ничего!

Между-тѣмъ презрѣніе Ребекки къ мужу возрастало съ каждымъ днемъ.

– Дѣлайте, что вамъ угодно, обѣдайте, гдѣ хотите, курите табакъ и пейте водку въ своемъ клубѣ, или, распѣвайте гимны съ леди Дженни, для меня все-равно; только не требуйте отъ

меня, чтобы я занималась *вашимъ* сыномъ. Ваши же интересы у меня въ виду, такъ-какъ вы не можете заботиться о себѣ сами, милостивый государь. Желала бы я знать, гдѣ бы – въ какомъ обществѣ и въ какомъ положеніи вы очутились теперь, еслибъ я не заботилась о васъ?

Тутъ была значительная частица правды. Въ тѣхъ собраніяхъ и обществахъ, куда обыкновенно ѣздила мистриссъ Бекки, никто, повидимому, не интересовался знать, существуетъ ли на свѣтѣ горемычный Родонъ Кроли. Его перестали и приглашать. Часто Ребекка выѣзжала одна, безъ мужа. Она говорила о наилучшихъ людяхъ, какъ-будто жила среди нихъ отъ колыбели, и когда при дворѣ носили трауръ, мистриссъ Бекки тоже облеклась въ черное платье. Когда такимъ-образомъ устроена была на прочномъ основаніи судьба маленького Родона, лордъ Стейнъ; принимавшій истинно-отеческое участіе въ дѣлахъ этого милаго семейства, рассчиталъ, что хозяйственные расходы господъ Кроли значительно будутъ сокращены, если удалить отъ нихъ компаньонку Бриггсъ. Въ этой особѣ не оказывалось теперь ни малѣйшей надобности, такъ-какъ умная и расторонная Бекки сама могла завѣдывать всѣми частями маленького хозяйства. Уже сказано было въ своемъ мѣстѣ, съ какимъ великодушіемъ этотъ благородный патронъ выдалъ Ребеккѣ деньги, назначенныя въ уплату долга для миссъ Бриггсъ. Послѣ такого распоряженія милордъ имѣлъ право надѣяться, что мистриссъ Родонъ отпуститъ свою компаньонку, которая, однакожъ, какъ видитъ читатель, продолжала до сихъ поръ жить у своей *благодѣтельницы*. Отсюда нетрудно было прійти къ заключенію, что мистриссъ Бекки, сверхъ ожиданія, сдѣлала вѣроятно какое-нибудь другое употребленіе изъ маленькой суммы. Однакожъ лордъ Стейнъ не сообщилъ ей своихъ подозрѣній касательно этого предмета. Какъ знать? бѣдная женщина могла имѣть тысячу непріятныхъ побужденій, заставившихъ ее употребить эту маленькую сумму противъ назначенія, сдѣланнаго великодушнымъ милордомъ. Надлежало тѣмъ не менѣе удостовѣриться въ настоящемъ положеніи этого дѣла, и маркизъ рѣшился приступить къ необходимымъ разспросамъ деликатно и осторожно.

Нужно было прежде всего попытаться самоѣ миссъ Бриггсъ. Это была весьма нетрудная операція. Два, три ласковыхъ слова со стороны такой высокой особы, какъ милордъ, и достойная женщина могла повѣдать ему всѣ свои душевные тайны. Однажды, когда мистриссъ Родонъ выѣхала покататься (мистеръ Фичъ, довѣренное лицо маркиза, зналъ очень хорошо, когда она выѣзжала, свѣдѣнія объ этомъ предметѣ доставлялись ему изъ наемной конюшни, гдѣ содержались экипажъ и лошади господъ Кроли), лордъ Стейнъ завернулъ въ извѣстный домикъ на Курцонской улицѣ, и потребовавъ себѣ чашку кофе, сказалъ миссъ Бриггсъ, что онъ принесъ для нея хорошія вѣсти о маленькомъ Родонѣ. Эти слова тотчасъ же развязали языкъ доброй старушки, и менѣе чѣмъ въ пять минутъ лордъ Стейнъ узналъ, что мистриссъ Родонъ не заплатила ей ни одного пенни, и что она подарила ей недавно черное шелковое платье, за которое миссъ Бриггсъ была ей безпредѣльно благодарна.

Милордъ внутренно усмѣхнулся при этомъ безыскусственномъ разсказѣ. Изобрѣтательная мистриссъ Бекки еще такъ недавно извѣщала его, съ какимъ восторгомъ старуха Бриггсъ получила отъ нея свои деньги: тысячу сто двадцать-пять фунтовъ – положенныя теперь въ безопасное мѣсто для приращенія выгоднѣйшими процентами. Ребекка не забыла намекнуть съ восхитительной откровенностію, какъ самой ей трудно было разстаться съ такими заманчивыми денежками. «Почему знать?» думала наша героиня, сочиняя эту фантастическую повѣсть; «можетъ-быть онъ дастъ мнѣ еще сколько-нибудь.» Однакожъ такое ожиданіе не оправдалось, потому вѣроятно, что милордъ и безъ того считалъ себя довольно великодушнымъ.

Продолжая интересную бесѣду, милордъ полюбопытствовалъ узнать подробнѣе обстоятельства миссъ Бриггсъ, и старая словоохотливая дѣвица; рассказала все, что у нея таилось за душой. Оказалось такимъ-образомъ, что значительную часть наслѣдства послѣ своей незабвенной благодѣтельницы, Матильды Кроли; миссъ Бриггсъ раздѣлила между своими родственниками, а остальными деньгами, положенными сначала въ финансовое заведеніе, распоряди-

лись теперь мистеръ и мистриссъ Кроли, общавшіеся доставлять ей выгоднѣйшіе проценты. Въ ней, по ихъ просьбѣ, принялъ участіе даже самъ сэръ Питтъ, съ которымъ они недавно держали совѣщаніе, какъ бы скорѣе и надежнѣе обогатить миссъ Бриггсъ; почему баронетъ и воспользуется первымъ случаемъ, чтобъ удвадцатерить ея капиталъ.

— А сколько всего они взяли у васъ денегъ? спросилъ лордъ Стейнъ.

— Шестьсотъ фунтовъ, милордъ, отвѣчала Бриггсъ, съ небольшимъ шестьсотъ.

Но тутъ же она спохватилась, что уже черезчуръ откровенна съ этимъ человѣкомъ. Чего добраго, онъ еще пожалуй повредитъ ей какъ-нибудь.

— Вы ужъ сдѣлайте милость, не пересказывайте имъ этого нашего разговора, сказала миссъ Бриггсъ, полковникъ такъ добръ, милордъ, мистриссъ Кроли такъ великодушна!.. Если мистеръ Кроли узнаетъ, что я рассказываю о его намѣреніяхъ, онъ конечно отдастъ мнѣ назадъ этотъ капиталъ, и тогда, посудите, что я стану дѣлать?

Лордъ Стейнъ, едва удерживаясь отъ смѣха, обѣщался хранить ея тайну, но онъ захохоталъ отъ полноты душевнаго восторга, когда простился съ этой достойной дѣвицей.

«Какой изворотливый бѣсѣнокъ эта женщина! думалъ маркизь, садясь въ свою карету. Какая чудная, блистательная актриса! Она чуть не выманила у меня и еще такую же сумму... Да, Бекки въ грязь затопчетъ всѣхъ этихъ женщинъ, какихъ мнѣ удавалось видѣть на своемъ вѣку. Онѣ, безсмысленные младенцы въ сравненіи съ ней. Я самъ оглупѣлъ въ ея рукахъ на старости лѣтъ. Безпримѣрная, неподражаемая лгунья, надо отдать ей справедливость.»

Удивленіе милорда къ обширнымъ надувательнымъ способностямъ Ребекки увеличилось неизмѣримо. Выманить денегъ у кого бы то ни было, еще не составляетъ большой трудности; но выманить ровно вдвое противъ необходимой суммы и не заплатить никому — вотъ это, что называется, великолѣпная штука, требующая необыкновеннаго искусства и глубочайшихъ соображеній.

«Да и Родонъ Кроли вовсе не такой глупецъ, какимъ прикидывается, думалъ маркизь, Онъ обдѣлалъ эту исторію съ большимъ умѣньемъ. Кто бы, смотря на его лицо, могъ вообразить, что ему извѣстны эти финансовыя продѣлки? А между-тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ самъ подговорилъ жену, и протранжирилъ эти денежки. Да, видно и онъ мастеръ своего дѣла.»

Мы знаемъ, однакожь, что въ послѣднемъ случаѣ, догадка проницательнаго милорда была не совсѣмъ основательна, но тѣмъ не менѣе, съ этой поры онъ значительно измѣнилъ свои отношенія къ полковнику Родону. При встрѣчѣ съ нимъ милордъ не соблюдалъ уже и той наружной вѣжливости, какая до сихъ поръ отличала поведеніе его съ этгаъ дженгльменомъ. Великодушный другъ и покровитель мистриссъ Кроли никогда не подозрѣвалъ, что эта изобрѣтательная леди, съ нѣкогораго времени, смастерила для себя особый секретный кошелекъ, и, если сказать всю правду, милордъ судилъ о полковникѣ Кроли по своимъ разнообразнымъ и многосложнымъ отношеніямъ къ другимъ. супругамъ, съ которыми судьба сталкивала его въ продолженіе многоопытной жизни, ознакомившей его съ различными слабостями человѣческаго рода. Лордъ Стейнъ знавалъ на своемъ вѣку многихъ легкомысленныхъ мужей, и читатель вѣроятно охотно проститъ ему дерзкое предположеніе относительно Родона Кроли.

Выждавъ удобный случай остаться наединѣ съ мистриссъ Бекки, мллордъ не замедлилъ поздравить ее съ неподражаемымъ искусствомъ дурачить своихъ друзей. Ребекка смутилась, но весьма немного. Выдумывать сказки было не въ натурѣ этого прекраснаго созданія, и она прибѣгала къ этому средству только въ крайнихъ обстоятельствахъ, но ужъ какъ скоро представлялись такія обстоятельства, Ребекка пускалась на выдумки съ отчаянною смѣлостію. На этотъ разъ, къ удовольствію своего патропа, она, не болѣе какъ въ одну минуту, сочинила чрезвычайно интересную исторію, обставленную самыми поэтическими подробностями. Преемное показаніе, представленное ею лорду Стейну, было ложно, совершенно ложно, и Ребекка призналась въ этомъ съ повинной головой, но кто, позвольте спросить, заставилъ ее лгать?

– Ахъ, милордъ, сказала она, вы не знаете, вы не можете и постигнуть, что я терплю и переносу молча, наединѣ съ своимъ бѣднымъ сердцемъ. Обыкновенно вы видите меня веселой и счастливой, когда я съ вами, но вамъ конечно не приходится и въ голову, какія страданія терзаютъ мою душу, когда нѣтъ покровителя подлѣ меня. Угрозами Родонъ заставилъ меня выпросить у васъ безстыднымъ образомъ эту несчастную сумму. Онъ предвидѣлъ съ вашей стороны вопросъ относительно употребленія этихъ денегъ, и я принуждена была сочинить безсовѣстную сказку. Родонъ взялъ эти деньги, и сказалъ, что расплатился съ миссъ Бриггсъ. Я не посмѣла усомниться въ этомъ. Простите несчастнаго, доведеннаго крайними обстоятельствами до необходимости обманывать честныхъ людей, и пожалѣйте бѣдную, бѣдную женщину.

И она зарыдала горько. Еще никогда угнетенная невинность не представлялась въ такомъ жалкомъ видѣ.

Затѣмъ послѣдовало длинное, предлинное объясненіе, въ продолженіе котораго экипажъ мистриссъ Кроли совершилъ нѣсколько объѣздовъ вокругъ Реджентъ-парка. Намъ нѣтъ особенной надобности входить въ подробности этой бссѣды, но слѣдствіемъ ея было то, что, по возвращеніи домой, Бскки вбѣжала въ комнату компаньонки съ оживленнымъ и веселымъ лицомъ, и объявила, что она принесла пріятныя вѣсти для миссъ Бриггсъ. Дордъ Стейнъ поступилъ какъ благороднѣйшій и великодушнѣйшій джентльменъ. У него только и дѣла, чтобы помогать и покровительствовать ближнимъ. Теперь, когда въ домѣ не стало больше маленькаго Родона, компаньонка уже не составляетъ особенной необходимости для Ребекки. Она крайне соболѣзнуетъ и скорбитъ, что принуждена разлучиться съ безцѣнной Бриггсъ, но, къ несчастью, ограниченныя средства заставляютъ ее придумывать всякія сбереженія по хозяйственной части, и при этой разлукѣ, утѣшаетъ ее только то единственное обстоятельство, что, благодаря великодушію лорда Стейна, миссъ Бриггсъ будетъ пристроена гораздо удобнѣе, чѣмъ здѣсь, въ ея скромномъ домикѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: мистриссъ Пилькингтонъ, ключница на гемпширской мызѣ лорда Стейна, сдѣлалась чрезвычайно стара и слаба. Такой дряхлой старухѣ, разумѣется, нельзя усмотрѣть за огромнымъ хозяйствомъ, и обстоятельства требуютъ пріискать для нея хорошую преемницу. Мѣсто безподобное. Стейны пріѣзжаютъ туда очень рѣдко, не болѣе одного раза въ продолженіе двухъ лѣтъ. Во всякое другое время ключница – полная хозяйка въ господскомъ домѣ. За столомъ всегда у нея четыре блюда, и гости – особы очень почтенныя, навѣщаютъ ее чуть-ли не каждый день. Словомъ сказать, ключница на этой мызѣ живетъ какъ настоящая леди. Такъ на нее и смотрятъ во всемъ Гемпширѣ. Двѣ послѣднія предшественницы мистриссъ Пилькингтонъ вышли за пасторовъ этой усадьбы, да и Пилькингтонъ могла бы выйти, еслибъ теперешній пасторъ не приходился ей племянникомъ. Это мѣсто еще не утверждено за миссъ Бриггсъ, но она можетъ, если ей угодно, сѣздить на этихъ дняхъ къ мистриссъ Пилькингтонъ, и посмотрѣть, удобно ли будетъ занять ея должность.

Никакими словами нельзя изобразить восторженной благодарности миссъ Бриггсъ. Она выговорила для себя единственное условіе, чтобы маленькому Родону позволяли повременамъ пріѣзжать къ ней на мызу. Бекки охотно согласилась на все. Когда мужъ ея воротился домой, она сообщила ему эту веселую новость. Родонъ былъ радъ, съ его совѣсти нѣкоторымъ образомъ сваливалось тяжелое бремя пря мысли о деньгахъ бѣдой миссъ Бриггсъ. Тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ, что голова была у него какъ-будто не на своемъ мѣстѣ. Когда онъ разсказалъ Саутдауну объ этомъ поступкѣ лорда Стейна, молодой человѣкъ взглянулъ на него какимъ-то страннымъ и двусмысленнымъ видомъ. Это въ нѣкоторой степени, озадачило Родона Кроли.

Леди Дженни, услышавъ объ этомъ второмъ доказательствѣ щедротъ и благодѣяній лорда Стейна, тоже посмотрѣла, съ нѣкоторымъ изумленіемъ, на брата своего мужа. Изумился и сэръ Питтъ.

– Она слишкомъ умна и... и можетъ-быть слишкомъ любить свѣтскія развлечения, чтобы ей можно было позволить развѣзжаться одной, безъ компаньонки, сказали сэръ Питтъ и леди Дженни. Вы, Родонъ, непременно должны сопровождать ее всюду, и постарайтесь распоря-

диться такъ, чтобъ дома она не оставалась одна. Не худо бы пригласить которую-нибудь изъ дѣвицъ Королевиной усадьбы, да только имъ кажется не усмотрѣть за вашей женой.

Рѣшено, что при Бекки кто-нибудь долженъ быть. А покамѣстъ оказывалось очевиднымъ, что доброй Бриггсъ необходимо было воспользоваться такимъ неожиданнымъ счастьемъ. Къ назначенному дню она уложила свои чемоданчики, и благополучно отправилась въ дорогу, напутствуемая благословеніями своихъ великодушныхъ друзей. Такимъ-образомъ, стражи, охранявшіе до сихъ поръ благополучіе Родона, были теперь въ рукахъ его враговъ.

Спустя нѣсколько времени, сэръ Питтъ имѣлъ серьезное совѣщаніе съ мистриссъ Бекки относительно разныхъ фамильныхъ, деликатныхъ обстоятельствъ. Напрасно она, призвавъ на помощь все свое остроуміе, старалась доказать своему родственнику, какъ необходима протекція лорда Стейна для ея мужа, и какъ было бы жестоко съ ихъ стороны удерживать при себѣ бѣдную миссъ Бриггсъ, когда счастье, можно сказать, само напрашивалось къ ней: сэръ Питтъ оставался непреклоненъ и неумолимъ. Ласки, увѣщанія, слезы, рыданія, доказательства, просьбы – ничто не могло образумить и успокоить баронета, и крупный ето разговоръ съ мистриссъ Бекки былъ весьма недалекъ отъ серьезной ссоры. Сэръ Питтъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ о фамильной чести, о незасорной репутаціи Кроли, и выразился съ великимъ негодованіемъ относительно легкомыслія, съ какимъ его, нѣкогда обожаемая, невѣстка принимала разнохарактерныя толпы гостей.

– Зачѣмъ, скажите, допускаются на ваши вечера эти буйные молодые люди, которые, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не дорожатъ семейнымъ счастьемъ? говорилъ сэръ Питтъ. Да, и самъ лордъ Стейнъ: съ какой стати карета его почти вссгда стоитъ у вашего подъѣзда? Это ужъ всѣ, къ стыду нашему, начинаютъ замѣчать, мистриссъ Кроли. Какъ глава и представитель фамиліи, я умоляю васъ быть какъ-можно осторожнѣе. Въ обществѣ уже и безъ того распространяются о васъ слишкомъ обидныя слухи. Лордъ Стейнъ, конечно, человѣкъ съ большими талантами и съ вѣсомъ въ нашемъ быту, но короткое съ нимъ знакомство компрометируетъ всякую женщину. Рекомендую вамъ, невѣстка, не забывать своего положенія, и быть осторожнѣе въ сношеніяхъ съ этимъ нобльменомъ.

Подъ конецъ этой аудіенціи, Бешій обѣщала все, чего отъ нея ни требовалъ раздраженный баронетъ, но это нисколько не измѣнило ея поведенія на будущее время, и лордъ Стейнъ былъ по прежнему постояннымъ ея гостемъ. Гнѣвъ сэра Питта возрасталъ постепенно. Интересно было бы знать: сердилась или рада была леди Дженни, когда наконецъ супругъ ея началъ отыскивать недостатки въ этой, еще такъ недавно идеальной, Ребеккѣ. Съ продолженіемъ визитовъ лорда Стейна, его собственныя посѣщенія въ домикъ на Курцонской улицѣ прекратились, и леди Дженни съ своей стороны, хотѣла было отказать отъ всякихъ сношеній съ этимъ нобльменомъ, и даже уклонилась отъ чести присутствовать на шарадномъ вечнрѣ, когда маркиза прислала къ ней пригласительный билетъ, но сэръ Питтъ вриказалъ ей однакожь принять это приглашеніе, разсчитывая весьма основательно, что шарадный спектакль удостоятъ своимъ присутствіемъ самыя знаменитыя особы, не исключая родственниковъ милорда Бумбумбума.

При всемъ томъ, сэръ Питтъ и его супруга, прибывшіе на этотъ вечеръ, поспѣшили, прежде всѣхъ другихъ гостей, выбратъся изъ Гигантскаго дома, не дождавшись даже окончанія бала. Бекки не обратила тутъ ни малѣйшаго вниманія на свою невѣстку, и едва перебросила нѣсколько словъ съ баронетомъ. Питтъ Кроли объявилъ, что поведеніе его невѣстки чудовищно въ полномъ смыслѣ слова, и отозвался напрямикъ, что обычай играть въ шарады въ высшей степени предосудителенъ для британской леди. По окончаніи спектакля, онъ отозвалъ Родона въ сторону, и сдѣлалъ ему самый строгій выговоръ за то, что онъ имѣлъ глупость позволить своей женѣ наряжаться въ фантастическіе костюмы.

Родонъ сказалъ, что Ребекка ужъ никогда больше не будетъ принимать участія въ этихъ предосудительныхъ забавахъ. Дѣйствуя вѣроятно по указаніямъ брата и сестры, онъ держалъ теперь ухо востро, и сдѣлался примѣрнымъ семьяниномъ. Мало-по-малу онъ оставилъ свои

клубы, бильярды, и старался всегда быть дома. Онъ сталъ выѣзжать съ женою на гулянья, и всюду сопровождалъ ее въ гости. Куда бы ни появился милордъ Стейнъ, можно было угадать заранее, что онъ встрѣтится съ Родономъ. Какъ-скоро приглашали Бекки выѣхать куда-нибудь безъ мужа, или просили ее одну на какой-нибудь вечеръ, полковникъ однажды навсегда приказалъ женѣ отказываться отъ такихъ приглашеній, и строгій тонъ, съ какимъ было сдѣлано это приказаніе, принуждалъ Ребекку къ безусловному повиновенію. Такая впрочемъ любезность со стороны мужа, повидимому, нравилась нашей героинѣ и приводила ее въ восторгъ. Нѣтъ нужды, что Родонъ былъ повременамъ пасмуренъ и угрюмъ: Бекки была одинаково внимательна къ супругу. Были у нихъ гости или нѣтъ, она всегда смотрѣла на него съ нѣжною улыбкой, и предупреждала исполненіе его желаній. Счастливые дни медоваго мѣсяца возвратились къ нимъ опять. То же добродушіе, веселость, *prévenances*, безыскусственная довѣрчивость и взаимное уваженіе.

– То-ли дѣло, милый другъ, когда ты сидишь теперь подлѣ меня въ каретѣ! говорила мистриссъ Бекки. Эта глупая Бриггсъ мнѣ ужасно надоѣла. Будемъ ивсегда ѣздить вмѣстѣ, другъ мой милый. О, какъ бы мы были веселы и счастливы, еслибъ всегда водились у насъ деньги!

Родонъ, послѣ обѣда, засыпалъ въ своихъ креслахъ, и никогда не удавалось ему подмѣтить, какимъ озлобленнымъ негодованіемъ покрывалось въ эту пору лицо его супруги, но когда онъ просыпался, свѣжая улыбка вновь появлялась на розовыхъ щечкахъ мистриссъ Бекки, и она цаловала съ восторгомъ *милагодруга*. Родонъ не понималъ, отчего приходили ему въ голову разныя подозрительныя мысли. Да нѣтъ, онъ никогда не подозрѣвалъ; всѣ эти нѣмыя сознінія и мрачныя предчувствія были плодомъ его разстроеннаго воображенія. Теперь онъ опомнился опять и исцѣлился отъ своихъ странныхъ фантазмагорій. Ребекка всегда любила только его одного, это ясно какъ день. Что за бѣда, если она чувствуетъ нѣкоторую склонность къ удовольствіямъ свѣта? она создана, она призвана быть въ свѣтѣ. Какая жеищина можетъ еще такъ превосходно говорить, пѣть, танцовать и быть, въ полномъ смыслѣ, душою всѣхъ этихъ аристократическихъ обществъ? Нѣтъ, ужъ на этотъ счетъ никто не сравняется съ Ребеккой. Жаль только, что она не любитъ малютки, думалъ Родонъ. Мать и сынъ почти никогда не сходились вмѣстѣ.

И когда всѣ эти мысли, безсвязныя, противорѣчащія одна другой, начали бродить въ головѣ довѣрчиваго мужа, приключилось то внезапное событіе, о которомъ было упомянуто въ концѣ предшествующей главы. Несчастный полковникъ былъ задержанъ, и очутился арестантомъ вдали отъ своего дома.

Глава LII

Катастрофа

Другъ нашъ, Родонъ, окруженный внезапно послѣ бала, подѣхалъ къ дому мистера Мосса на Курситоръ-Стритъ, и былъ какъ слѣдуетъ, представленъ въ это гостепріимное жилище. Уже свѣтало, когда извощичій кабріолетъ остановился у воротъ арестантскаго замка, гдѣ путешественниковъ встрѣтилъ какой-то рыжеватый съ красными глазами. Родона ввели въ покой нижняго этажа. Мистеръ Моссъ, его дорожный товарищъ и хозяинъ, предложилъ своему гостю радушный вопросъ: не желаетъ ли онъ чего-нибудь выпить съ дороги.

Полковникъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ слабыхъ смертныхъ, которые способны предаваться глубокому отчаянію, какъ-скоро заставляють ихъ промѣнять великолѣпный палаццо на тѣсныя комнаты въ долговой тюрьмѣ. Впрочемъ, если сказать всю правду, онъ уже не разъ гостилъ въ заведеніи мистера Мосса. До сихъ поръ мы не считали нужнымъ упоминать въ нашей исторіи объ этихъ слишкомъ мелочныхъ событіяхъ повседневной жизни; но читатель, вѣроятно, догадался и самъ, что этихъ маленькихъ неудобствъ трудно избѣжать джентльмену, получающему круглый нуль годоваго дохода.

При первомъ визитѣ къ мистеру Моссу, полковникъ, тогда еще холостякъ, былъ освобожденъ великодушіемъ своей тѣтки, Матильды Кроли, но когда это несчастіе повстрѣчалось съ женатымъ человѣкомъ, мистриссъ Бекки, воодушевленная необыкновенною отвагой, заняла незначительную сумму у лорда Саутдауна, и заплативъ кредитору своего мужа (этотъ джентльменъ былъ поставщикомъ шалей, бархатныхъ матерій, носовыхъ платковъ, перчатокъ и кружевныхъ издѣлій для мистриссъ Родонъ) частицу долга, уговорила его взять росписку на остальную сумму. Въ обоихъ случаяхъ такимъ-образомъ арестъ и освобожденіе сопровождались дружескою любезностію со всѣхъ сторонъ, и Родонъ Кроли былъ въ лучшихъ отношеніяхъ къ мистеру Моссу.

— Вы найдете здѣсь старую вашу постель, полковникъ, и увидите, что все содержится въ исправномъ порядкѣ, смѣю васъ завѣрить честнымъ словомъ, сказалъ мистеръ Моссъ. Постелька ваша бывала занята все джентльменами. Еще прошлую ночь спалъ на ней кептенъ Фемишъ изъ пятаго драгунскаго полка. Засадилъ молодца недѣли на двѣ, но онъ тутъ заказывалъ только мое шампанское, да еще какъ! весело было смотрѣть. Каждый вечеръ приходили къ нему джентльмены, одинъ красивѣе другаго, все изъ Вестъ-Энда. Вы найдете здѣсь очень пріятное общество, мистеръ Кроли, имевъ прочимъ капитана Рагга, съ которымъ, вѣроятно, вы знакомы. Наверху живетъ у меня одинъ докторъ философіи, человѣкъ очень милый и любезный. Мистриссъ Моссъ содержитъ общій столъ, и мы обѣдаемъ въ половинѣ шестаго. Вина вдоволь, какого угодно. Послѣ обѣда поигрываемъ въ карты, и занимаемся музыкой. Очень, очень весело. Не прикажете ли теперь чего-нибудь?

— Я позвоню, если что нужно будетъ, сказалъ Родонъ, и спокойно отправился въ свою спальню.

Мы уже сказали, что былъ онъ старый служака, привыкшій встрѣчать мужественно непредвидѣнные удары судьбы. Другой на его мѣстѣ тотчасъ-же распорядился бы отправить письмо къ своей женѣ съ плачевнымъ извѣстіемъ о приключившемся несчастіи, но мистеръ Кроли не думалъ торопиться этой мѣрой.

«Зачѣмъ тревожить ее въ эту же ночь? разсуждалъ нѣжный супругъ. Она и не узнаетъ, дома я, или нѣтъ. Написать успѣю завтра, когда она выпитая, да и я вздремну немножко. Сто-сорокъ фунтовъ, не велика бѣда; расквитаемся.»

И затѣмъ, подумавъ о малюткѣ Родонѣ (который никакъ не долженъ былъ знать этого непріятнаго приключенія съ отцомъ), полковникъ легъ на постель, гдѣ почивалъ недавно кеп-

тень Фемишъ, и уснулъ довольно спокойно. Было десять часовъ, когда онъ проснулся. Рыжеватый юноша принесъ ему серебряный бритвенный приборъ отличной доброты. Домъ мистера Мосса былъ довольно грязенъ, но блистателенъ и роскошенъ въ тоже время. На буфетѣ стояли грязные подносы, и початые бутылки съ виномъ; вызолоченные грязные карнизы обрамляли комнаты во всѣхъ этажахъ, и грязные желтые шелковые занавѣсы картинно рисовались надъ окнами, выходившими на Курситоръ-Стритъ. На стѣнахъ всюду виднѣлись грязные вызолоченныя рамки, и въ нихъ картины извѣстнѣйшихъ живописцевъ, переходившія тысячу разъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, не суждено имъ было украсить собою жилище одного изъ главныхъ помощниковъ лондонскаго шерифа. Полковнику принесли завтракъ на грязномъ и великолѣпномъ серебряномъ подносѣ. Миссъ Моссъ, черноглазая дѣвица въ папильоткахъ, явилась съ чайникомъ, и улыбаясь спросила, какъ полковникъ провелъ ночь. Она также принесла ему Morning Post, гдѣ, на этотъ разъ, былъ весьма подробно описанъ вчерашній балъ у лорда Стейна съ исчисленіемъ особъ, удостоившихъ своимъ присутствіемъ шарадный спектакль. Мистриссъ Родонъ Кроли была изображена въ самомъ великолѣпномъ свѣтѣ, какъ олицетворенное совершенство во всѣхъ видахъ и родахъ.

Подавъ завтракъ новому гостю, миссъ Моссъ присѣла на противоположномъ концѣ стола, живописно выставивъ напоказъ свою ножку, обутую въ грязный шелковый чулокъ и атласный башмачокъ, который былъ когда-то бѣлаго цвѣта. Послѣ нѣкоторыхъ любезностей съ этой леди, полковникъ потребовалъ себѣ бумаги, пера, чернилъ, и миссъ Моссъ немедленно исполнила его желаніе, снабдивъ его въ избыткѣ писчимъ матеріаломъ. Много въ своей жизни эта черноокая дѣвица передавала листовъ бумаги своимъ гостямъ, и много бѣдняковъ чертили отсюда на скорую руку посланія къ своимъ родственникамъ и знакомымъ, которые должны были ихъ выручить изъ этой западни. Въ ожиданіи отвѣта они обыкновенно расхаживали по комнатамъ взадъ и впередъ. Посланія этого рода, невѣрныя городской почтѣ, отправляются всегда съ разсылными. Кому не приходилось получать этихъ интересныхъ записочекъ съ предварительнымъ докладомъ, что человекъ внизу дожидается отвѣта?

Вотъ что писалъ Родонъ Кроли:

«Любезнейшая Бекки!

«Надѣюсь, ты севодни почивала хорошо, а обо мне ни беспокойся, ежели не принесу тебѣ шикаладу. Вчерась вѣчеромъ когда я возвращался домой и курилъ цыгару случилась непріятность. Подцѣпилъ меня Моссъ изъ Курситоръ-Стрита, и я въ гостяхъ у него въ той *раззолоченой и демонски роскошной* комнатѣ, гдѣ ты была у меня за два года передъ этимъ. Миссъ Моссъ принесла мне чаю, она растолстела, и какъ водится, чулки у нее *сползли до пятокъ*.

«Это по делу жида Натана, сто пятьдесятъ фунтовъ, а съ процентами и тюремными издержками, пожалуй што набѣрется до сту семидесяти. Пришли мне мою шкатулку и какое-нибудь платье, я вить здѣсь въ бальныхъ чулкахъ и башмакахъ, какъ этакъ какая-нибудь миссъ Моссъ, а тамъ; въ шкатулкѣ-то моей, наберется авось до семидесяти. Отопри и поезжай съ ними къ Натану, и предложи ему семьдесятъ-пять, и попроси, чтобы на остальное взялъ мою росписку, подождаль бы. А за обедомъ мы станемъ пить хересь, а не шампанское – тутъ оно демонски дорого.

«А есть ли паче чаянія жидъ не согласится, возми мой золотыя часы и какія-нибудь изъ своихъ вѣщей, безъ нихъ можешь обойдтись, и отошли ихъ продать на толкучій, авось квечеру и все деньги. Хорошо, если Родя не пріехалъ вчерась изъ училища домой. Не хочется просидеть больше нынешняго дня, такъ какъ завтра воскресенье. Постели здѣсь ужастъ какъ

неопрятны, и я ужь знаю, спокойно не какъ не уснешь. Но авось кзавтраму будить опять въ твоихъ объятіяхъ

«Твой верный

«Родонъ Кроли.»

P. S: Пожалуста паторопись и пріезжай сама.

Это письмо, запечатанное облаткой, было отправлено съ однимъ изъ разсылныхъ, которые всегда въ изобиліи шатаются около заведенія мистера Мосса. Устроивъ это дѣло, Родонъ вышелъ на тюремный дворъ, и закурилъ сигару. Онъ былъ довольно спокоенъ, несмотря на желѣзныя рѣшотки, возвышавшіяся надъ его головой. Дворъ былъ огражденъ ими, какъ клѣтка, изъ опасенія, чтобы гуляющимъ джентльменамъ не пришла фантазія бѣжать изъ этого гостепріимнаго жилища.

Трехъ часовъ, по его расчетамъ, было слишкомъ довольно, чтобы Бекки могла привести къ окончанію это дѣло, и отворить двери его тюрьмы. Все это время мистеръ Кроли былъ почти такъ же спокоенъ, какъ у себя дома. Онъ курилъ сигару, почитывалъ газету, и встрѣтивъ въ общей залѣ пріятели своего, капитана Уокера, сыгралъ съ нимъ въ пикетъ, по маленькой, чтобы время не пропадало даромъ.

Но день склонялся нъ вечеру, а разсылный не возвращался. Непріѣзжала и мистриссъ Бекки. Табльдотъ мистера Мосса начался, какъ объявилъ онъ, въ половинѣ шестаго, и джентльмены, бывшіе въ состояніи заплатить за этотъ банкетъ, приглашены были къ столу. Сюда явилась и миссъ Моссъ, безъ папилютокъ и въ праздничномъ костюмѣ. Маменька ея, тоже принаряженная, сѣла за столомъ на первое мѣсто, и раздѣлила на порціи баранину съ рѣпнымъ соусомъ по числу гостей. Полковникъ, противъ обыкновенія, кушалъ безъ большого аппетита. На вопросъ: не угодно ли ему *поставить* для компаніи бутылочку шампанскаго? мистеръ Кроли отвѣчалъ утвердительно, и дамы выкушали по бокалу за его здоровье. Мистеръ Моссъ сдѣлался необыкновенно разговорчивымъ и любезнымъ.

Среди самого банкета раздался звонокъ у подъѣзда. Рыжеватый юноша, сынокъ мистера Мосса, выскочилъ изъ-за стола съ ключами въ рукахъ, и воротившись черезъ минуту въ столовую, объявилъ, что воротился разсылный съ шкатулкой и письмомъ для полковника Кроли.

– Не церемоньтесь, полковникъ, прошу васъ, читайте, сколько вамъ угодно, сказала мистриссъ Моссъ, махнувъ рукою.

Родонъ, нѣсколько взволнованный, взялъ поданный ему конвертъ. То было премиленькое письмо, раздушенное, на розовой бумагѣ, запечатанное свѣтлозеленымъ сургучомъ. Полковникъ сломалъ печать, и прочелъ слѣдующее:

«Mon pauvre cher petit, я не сомкнула глазъ во всю ночь; и безпрестанно думала о своемъ *ненавистномъ старомъ монстрѣ*. Поутру я принуждена была послать за докторомъ (у меня лихорадка), и мистеръ Бленчъ предписалъ мнѣ успокоительную микстуру. Финетъ приказано не принимать и не пускать ко мнѣ никого, и твой посланный – бѣдняга! долженъ былъ часа четыре простоять въ передней, пока мнѣ сдѣлалось легче. Вообрази мое огорченіе, когда я прочитала твое *безграмотное* письмо!»

«Несмотря на свою болѣзнь, я тотчасъ же приказала заложить лошадей, и даже позабыла свои утренній шоколадъ; да и странно было бы пить его не изъ твоихъ рукъ, mon pauvre petit chat. Одѣвшись на скорую руку, я поскакала *ventreàterre* къ жиду Наѳану. Я плакала, умоляла, стояла на колѣняхъ – напрасно: жидъ остался неумолимъ, непреклоненъ. Онъ непремѣнно требуетъ всѣхъ своихъ денегъ, или, говорить онъ, ты сгніешь въ тюрьмѣ, mon adorable monstre!

«По возвращении домой, я хотѣла захватить всѣ вещи, какими только могу располагать, и сдѣлать *triste visite chez mon oncle*. Но этотъ дядюшка и безъ того владѣетъ многими нашими вещами; за всѣ мои теперешнія бездѣлки онъ никакъ не далъ бы больше сотни фунтовъ. Дома я нашла милорда, и этого *противнаго* Испанца, Питерварадина; они, *voyez-vous*, пришли меня поздравить съ блистательнымъ успѣхомъ на вчерашнемъ балу. Затѣмъ, минутъ черезъ десять, прикатили этотъ чопорный заика, Паддингтонъ, и несносный Шампиньякъ; они просто замучили меня своими глупыми конфектными любезностями – меня, которая, не зная какъ отвязаться отъ всѣхъ этихъ господъ, думала буквально каждую секунду о своемъ *rauvre prisonnier*.

«Лишь-только они вышли изъ дверей, я бросилась на колѣни передъ милордомъ, объявила, что намѣрена заложить всѣ свои вещи, что мнѣ дозарѣза нужно двѣсти фунтовъ. Милордъ пришелъ въ неописанную ярость и, послѣ энергической брани, обѣщался прислать мнѣ завтра требуемую сумму. Закладывать вещи, по его словамъ, было бы непростительнымъ безуміемъ. Какъ-скоро деньги будутъ въ моихъ рукахъ, я не замедлю привезти ихъ моему старому чудовищу вмѣстѣ съ горячимъ поцалуемъ.

«Твоя Бекки.»

P. S. «Пишу въ постели: голова у меня болить страшно, и сердце не на мѣстѣ.»

Прочитавъ это письмо, Родонъ покраснѣлся, побагровѣлъ, и глаза его приняли такое дикое выраженіе, что присутствовавшіе за столомъ немедленно догадались, что полковникъ получилъ дурныя вѣсти. Всѣ прежнія подозрѣнія, начинавшія мало-по-малу угасать въ послѣднее время, снова вспыхнули въ его разгоряченномъ мозгу. Ребекка не хотѣла даже продать какія-нибудь двѣ, три бездѣлки для выручки своего мужа. Она смѣется и рассказываетъ о своихъ гостяхъ, въ ту пору, какъ мужъ въ тюремномъ заключеніи. Да и кто посадилъ его въ тюрьму? Позвольте: Венгемъ вызвался проводить его послѣ бала... неужели?!.. Ужасное, невыносимое подозрѣніе промелькнуло въ головѣ бѣднаго Родона. Онъ опрометью бросился изъ столовой, вошелъ въ свою комнату, отперъ шкатулку, написалъ на скорую руку записочку, съ адресомъ, на пмя сэра Питта, или, леди Дженни, впихнулъ ее въ руки разсыльного, приказалъ ему скакать въ Гигантскую улицу, и обѣщалъ подарить ему гинею, если онъ черезъ часъ привезетъ отвѣтъ.

Въ этой запискѣ, именемъ Бога и фамильной чести, онъ умолялъ милаго брата или сестру пріѣхать къ нему немедленно и выручить его изъ затруднительнаго положенія. Онъ былъ въ тюрьмѣ: сотню фунтовъ – только сотню! – ему нужно, чтобъ вырваться на свободу. Любовью къ сыну заклиналъ несчастный отецъ, чтобы выручили его.

Сдѣлавъ эти распоряженія, полковникъ опять воротился въ столовую, и потребовалъ вина. Онъ смѣялся и говорилъ съ какимъ-то буйнымъ одушевленіемъ, какъ показалось, по крайней мѣрѣ, гостямъ мистера Мосса. Рюмку выпивалъ онъ за рюмкой, бокаль за бокаломъ, и судорожно прислушивался къ стуку экипажей, проѣзжавшихъ мимо дома.

Лишь-только коичился обѣдъ, передъ воротами долговой тюрьмы остановилась карета. Рыжеватый юноша вышелъ опять съ ключами. Въ каретѣ пріѣхала какая-то леди.

– Здѣсь полковникъ Кроли? спросила она дрожащимъ голосомъ.

Отвѣтъ былъ утвердительный. Рыжеватый юноша заперъ за нею наружную дверь, и затѣмъ, пройдя длинный корридоръ, отперъ и отворилъ внутреннюю дверь, сказавъ:

– Полковникъ, васъ спрашиваютъ.

Дама вошла въ комнату, отведенную для этого арестанта. Она была, повидимому, въ сильномъ волненіи.

– Это я, Родонъ, сказала она робкимъ голосомъ, стараясь, однакожь, сообщить ему веселую имтонацію. Это я, сестра ваша, Дженни.

Присутствіе этой леди и нѣжный ея голосъ произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на мистера Кроли. Онъ подбѣжалъ къ ней, обнялъ ее, пролепеталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, и почти зарыдалъ, склонивъ свое лицо на ея плечо. Леди Дженни не понимала причины этого волненія.

Счеты мистера Мосса немедленно были уплачены, къ очевидному огорченію этого джентльмена, надѣявшагося, что полковникъ останется у него въ гостяхъ, по крайней мѣрѣ до понедѣльника. Счастливая и вполне довольная своимъ поступкомъ, Дженни вывела Родона изъ долговой тюрьмы, и они отправились домой, въ извозицъей каретѣ, въ которой она пріѣхала сюда.

– Питтъ сегодня на парламентскомъ обѣдѣ, и его не было дома, когда принесли ваше письмо, сказала леди Дженни. Поэтому я ужъ сама пріѣхала, милый братецъ.

И она крѣпко пожалала ему руку. Можетъ-быть это и къ лучшему, что Питта не было дома. Родонъ сотню разъ принимался благодарить *милую сестрицу*, обнаруживая при этомъ какую-то странную пылкость, изумившую и отчасти обезпокоившую супругу баронета.

– Ахъ, охъ... ей-Богу, говорилъ восторженный мистеръ Кроли, – вы еще не знаете, какъ я перемѣнился съ той поры, какъ узналъ васъ и... и... маленького Родю. Я бы хотѣлъ совсѣмъ переродиться. Вы видите, что я хочу... слѣдуетъ мнѣ быть... охъ!..

Онъ не кончилъ своей мысли, но леди Дженни понимала, что хотѣлъ онъ сказать. Въ этотъ же вечеръ, когда они разстались, супруга баронета долго просидѣла у постели своего маленького сына, и усердно молилась Богу о счастіи своего брата.

* * *

Оставивъ невѣстку въ Гигантской улицѣ, полковникъ пошелъ домой пѣшкомъ. Было девять часовъ вечера. Скорымъ шагомъ прошелъ онъ освѣщенныя улицы, и пробѣжалъ блистательные скверы передъ Курцонъ-Стритомъ. Остановившись передъ фасадомъ своего дома, бѣднякъ остолбенѣлъ, облокотился на желѣзные перила, и почувствовалъ, что голова его идетъ кругомъ. Яркій блескъ свѣчей пробивался черезъ розовыя драпри въ первомъ этажѣ, и онъ слышалъ мелодическіе звуки фортепьяно. Какъ это? Бекки писала, что она лежитъ въ постели!.. лицо несчастнаго мужа покрылось смертельною блѣдностью при соединенномъ отраженіи на немъ газовыхъ фонарей и этого необыкновеннаго освѣщенія въ его собственномъ салонѣ.

Вынувъ изъ кармана ключъ, полковникъ тихонько отворилъ наружную дверь, и при входѣ въ первыя комнаты, встрѣченъ былъ громкимъ хохотомъ, раздавшимся въ будуарѣ его супруги. Онъ былъ въ томъ же бальномъ костюмѣ, въ которомъ арестовали его наканунѣ. Никто въ цѣломъ домѣ не пошевелился при его входѣ, потому-что слуги всѣ были разосланы. Яснымъ и звучнымъ соргано, Ребекка пѣла ту самую идиллическую пѣсенку, которая наканунѣ доставила ей такой блестящій успѣхъ въ джентльменскомъ кругу. Хриплый и сардоническій голосъ безпрестанно повторялъ: «Браво! браво!» То былъ голосъ лорда Стейна. Родонъ зашатался, и дыханіе сперлось въ его груди.

Простоявъ нѣсколько минутъ, онъ съ трудомъ перевелъ духъ, и наконецъ рѣшился отворить. Маленькій столъ накрытъ былъ для двоихъ: вино и кушанья были поданы. Во второй комнатѣ, Ребекка въ бальномъ костюмѣ, осыпанная брильянтами, жемчугомъ, цвѣтами, сидѣла на софѣ и протягивала свою руку лорду Стейну, стоявшему передъ ней въ самой поэтической позѣ. Блѣдная фигура Родока, отворившаго дверь, обрисовалась прежде всего въ глазахъ его жены. Ребекка пспустила легкій крикъ, потомъ одумалась и попыталась улыбнуться, но ея улыбка на этотъ разъ получила видъ самой отвратительной гримасы. Лордъ Стейнъ обернулся;

въ его глазахъ обозначались вмѣстѣ изумленіе и гнѣвъ; потомъ онъ тоже захотѣлъ улыбнуться, и принять, какъ слѣдуетъ, ошеломленнаго мужа.

— Ба! какими это судьбами! все ли вы здоровы, мистеръ Кроли!

Было на лицѣ Родона выраженіе страшное, отчаянное, отстранявшее всякую возможность остроумія и шутки.

— Я невинна, Родонъ! вскричала Ребекка; бросаясь къ мужу и обвинивъ его шею своими голыми руками, украшенными браслетами, золотыми змѣйками и драгоценностями всякаго рода. Милордъ, милордъ! скажите ему, что я невинна!

Лордъ Стейнъ въ свою очередь вообразилъ, что его поймали въ разставленную западню. Жена и мужъ уже давно потеряли всякое уваженіе въ его глазахъ, и теперь онъ былъ убѣжденъ столько же въ коварствѣ Ребекки, сколько и въ трусости Родона Кроли. Заранѣе подготовленный обманъ обрисовался въ его воображеніи со всѣми небывалыми подробностями.

— Невинна! И ты смѣешь увѣрять въ этомъ меня, воплощенный дьяволъ? закричалъ громовымъ голосомъ лордъ Стейнъ. Кому же, какъ не мнѣ, принадлежать всѣ эта брильянты и камни? И при всемъ этомъ, она невинна, чортъ побери! Ты грабила меня вмѣстѣ съ этимъ господиномъ, который проѣдалъ и пропивалъ мой деньги! Невинна такъ же, какъ мать твоя, актриса, и твой презрѣнный мужъ! Я не боюсь васъ, милостивый государь, слышите ли вы это?... Прочь съ дороги?

И лордъ Стейнъ взялъ свою шляпу. Гордо, съ пылающимъ взоромъ смотрѣлъ онъ прямо въ лицо своему врагу, нисколько не сомнѣваясь въ своемъ триумфѣ, но Родонъ Кроли былъ не трусъ. если жизнь его никогда не отличалась строгой нравственностью, если онъ позволялъ себѣ дурачить игроковъ въ карты и героевъ бильярда, зато на личной его храбрости не было до сихъ поръ ни малѣйшаго пятна. Въ эту минуту взволновалась вся его натура, пылкая, раздражительная, буйная. Онъ схватилъ за галстухъ лорда Стейна и началъ его душить съ такимъ неистовствомъ, что тотъ захрипѣлъ и зашатался.

— Ты лжешь, несчастный! вскричалъ Родонъ, ты лжешь!

И съ этими словами онъ оттолкнулъ его на нѣсколько шаговъ. Лордъ зашатался и упалъ.

Ребекка трепетала всѣми членами; не смѣя съ своей стороны принять ни малѣйшаго участія въ этой развязкѣ. Въ первый разъ она удивлялась своему мужу, страшному, храброму и сильному въ своей побѣдѣ. Родонъ Кроли выросъ въ ея глазахъ до степени гиганта.

— Поди сюда, сказалъ онъ ей. Она подошла. Долой всѣ эти вещи!

И дрожащею рукою она принялась снимать браслеты, кольца, ожерелья, не спуская глазъ съ грознаго супруга.

— Брось все это на полъ.

Ребекка повиновалась. Загнѣвъ онъ сорвалъ аграфъ съ ея груди и бросилъ его въ лицо лорда Стейна; шрамъ на лбу отъ этого удара не заживалъ во всю его жизнь.

— Пойдемъ навѣрхъ, сказалъ онъ женѣ.

— Не убивай меня! О, не убивай меня, Родонъ! воскликнула Ребекка.

Полковникъ дико захохоталъ.

— Я хочу знать и видѣть, сказалъ онъ, оклеветалъ ли тебя этотъ человѣкъ такъ, какъ онъ оклеветалъ меня. Давалъ ли онъ тебѣ деньги?

— Нѣтъ, проговорила Ребекка, — это...

— Дай мнѣ ключи!

И они вмѣстѣ пошли навѣрхъ.

Ребекка отдала всѣ ключи, кромѣ одного крошечнаго ключика отъ завѣтной шкатулки, хранившейся въ секретномъ мѣстѣ, и которая, какъ знаетъ читатель, принадлежала миссъ Амеліи Седли. Бѣдняжка надѣялась спасти свои сокровища. Родонъ отворилъ замки, перерылъ пюпитры, коммоды, ящики и наконецъ добрался до завѣтной шкатулки. Ребекка принуждена была отпереть, тамъ хранились бумаги, старыя любовныя записки, драгоценныя бездѣлки жен-

скаго туалета – и, наконецъ, туго-набитый портфель съ банковыми билетами. Нѣкоторые были уже получены давно, лѣтъ за десять, но однѣ, въ тысячу фунтовъ, были еще новый: его прислалъ лордъ Стейнъ.

– Онъ что ли далъ тебѣ этотъ? сказалъ Родонъ.

– Онъ.

– Я отошлю его назадъ сегодня, сказалъ полковникъ (эти розыски продолжались нѣсколько часовъ, и разсвѣтъ новаго дня уже проглядывалъ въ окна). Надо заплатить нѣкоторые долги, и рассчитаться съ честною Бриггс: она такъ любила моего Родю. Ты мнѣ скажешь; куда послать остальные билеты. Ахъ, Бекки! тебѣ бы ничего не стоило удѣлить для меня изъ всѣхъ этихъ денегъ одну сотню фунтовъ: я всегда дѣлился съ тобою.

– Я невинна! сказала Бекки.

Родонъ оставилъ ее, не проговоривъ больше ни одного слова.

Она осталась неподвижною на мѣстѣ страшной сцены. Разсвѣтало. Часы быстро проходили одинъ за другимъ, и солнце уже бросило яркій лучъ въ печальную комнату, но Ребекка все еще сидѣла на краю своей постели. Шкафы были отворены; драгоценныя бездѣлки разбросаны по всѣмъ угламъ, шарфы и письма валялись по ковру; можно было подумать, что ночью происходилъ грабежъ. Въ ту пору, какъ Родонъ спустился съ лѣстницы, наружная дверь затворилась, Ребекка мало по малу вышла изъ своего усыпленія и угадала, что ему не воротиться. «Убьетъ ли онъ себя? спрашивала она сама себя. Нѣтъ, напередъ онъ отправитъ лорда Стейна.» Она оглянулась на свою длинную пршедшую жизнь, блистательную и мрачную вмѣстѣ, дѣятельную и безплодную, шумную снаружи, грустную и пустынную внутри; бѣдная, бѣдная женщина! Не принять ли ей *Laudanum* и разомъ покончить о всѣми этими надеждами, хитростями, мечтами, интригами, долгами?

Въ этомъ положеніи, среди развалинъ страшнаго крушенія, застала ее *mademoiselle Fifine*, Француженка-горничная, пришедшая поутру къ своей миледи. Эта дѣвушка была подкуплена лордомъ Стейномъ.

– *Mon Dieu, Madame*, что такое случилось? спросила она.

Что же случилось въ самомъ дѣлѣ? Преступна или нѣтъ, была мистриссъ Бекки? «Нѣтъ», говорила она сама: «но какъ тутъ разберешь? чему вѣрить и чему не вѣрить въ устахъ этой странной героини? Очень могло стать, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ развращенное ея сердце было довольно чисто. Для насъ это – дѣло закрытое. Какъ бы то ни было, всѣ хитрости и пронырства мистриссъ Бекки, ея эгоизмъ и геній – всѣ ея воздушныя замки разбились въдребезги въ одну минуту. Мамзель Фифина задернула занавѣсы, и обнаруживая всѣ признаки истиннаго или мнимаго участія, упростила свою добрую миледи лечь въ постель. Затѣмъ она сошла внизъ, и тщательно подобрала драгоценныя бездѣлки, валявшіяся на полу съ той поры, какъ Ребекка, при уходѣ лорда Стейна, сбросила ихъ по повелѣнію своего мужа.

Глава XLIII

Воскресенье послѣ битвы

Великолѣпный чертогъ сэра Питта на большой Гигантской улицѣ только-что начиналъ охорашиваться и принаряжаться къ встрѣчѣ утренняго солнца, когда Родонъ Кроли въ своемъ вечернемъ костюмѣ, котораго не скидалъ онъ въ продолженіе двоихъ сутокъ, пробрался мимо испуганной женщины, подмѣтавшей лѣстницу, и вошелъ въ кабинетъ своего брата. Леди Дженни, въ утреннемъ капотѣ, сидѣла въ дѣтской, наблюдая за туалетомъ своихъ малютокъ, и слушая, какъ они читаютъ утреннія молитвы. Эту благочестивую обязанность мать и дѣти совершали сперва наединѣ, и потомъ церемоніально, въ присутствіи сэра Питта, собиравшаго на этотъ обрядъ всѣхъ домашнихъ своихъ слугъ и служанокъ. Родонъ сидѣлъ въ кабинетѣ за столомъ баронета, украшеннымъ синими книгами, бумагами, письмами и разнокалиберными памфлетами политическаго содержанія. Счетныя книги, портфѣли, «Quarterly Review» и «Court Gurde», симметрически расположенныя, стояли какъ-будто на парадѣ, ожидая, когда главнокомандующій начнетъ генеральный смотръ.

Фамильная книга нравственнаго содержанія, откуда сэръ Питтъ каждое воскресное утро выбиралъ по главѣ для прочтенія своимъ чадамъ и домочадцамъ, также лежала на этомъ ученомъ столѣ, и подлѣ нея находилась газета «Observer», опрятно-сложенная и только-что вышедшая изъ типографскихъ станковъ. «Observer» назначался для исключительнаго употребленія сэра Питта. Одинъ только каммердинеръ пользовался случаемъ заглянуть въ эту газету прежде, чѣмъ она окончательно поступала въ кабинетъ его господина. Сегодня утромъ онъ прочиталъ въ ней между-прочимъ весьма интересную статейку, подъ заглавіемъ «Пиршества въ Гигантскомъ домѣ», гдѣ подробно писчислены были имена всѣхъ присутствовавшихъ на балѣ знатныхъ особъ, со включеніемъ полковника Кроли. Кушая чай съ масляными пирожками въ обществѣ ключницы и ея племянницы, этотъ джентльменъ сообщилъ, по поводу вышеозначенной статейки, нѣсколько чрезвычайно остроумныхъ замѣчаній, недоумѣвая впрочемъ, какъ залетѣли туда эти *шарамыжники*, Родоны Кроли. Затѣмъ, свернувъ какъ слѣдуетъ газету, и помочивъ ее немножко, онъ уже окончательно положилъ ее на опредѣленное мѣсто, и «Observer», снова совершенно свѣжій и невинный, готовъ былъ, въ приличномъ видѣ представиться хозяину джентльменскаго дома.

Бѣдный Родонъ взялъ газету, и шшробовалъ читать въ ожиданіи своего брата, но печать какъ-то странно рябила въ его глазахъ, и онъ самъ не зналъ, что читаетъ. Официальныя извѣстія и правительственныя назначенія (для нихъ-то собственно и выписывался «Observer», въ противномъ случаѣ, воскресная газета, чуждая, какъ извѣстно, всякихъ политическихъ толковъ и парламентскихъ преній, не могла бы найти мѣста на дипломатическомъ столѣ сэра Питта), театральныя критики, заклады, подвиги знаменитѣйшихъ боксеровъ, лѣтопись увеселеній Гигантскаго дома и подробный отчетъ о блистательныхъ успѣхахъ мистрисъ Бекки въ шарадномъ спектаклѣ: все это затуманивалось передъ умственнымъ взоромъ мистера Кроли.

Наконецъ, минута въ минуту, когда звонкій колокольчикъ, на черномъ мраморномъ кабинетномъ хронометрѣ, пробилъ девять часовъ, явился сэръ Питтъ, баронетъ и членъ парламента, опрятный, свѣжій, гладко-выбритый, гладко-причесанный и припомаженный, съ чистыми вылощенными щеками, окаймленными съ обѣихъ сторонъ рубашечными воротничками, въ бѣломъ туго-накрахмаленномъ галстухѣ и въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ — явился однимъ словомъ, какъ истинный англійскій джентльменъ древней породы, образецъ изящества, опрятности, совершеннѣйшаго комфорта. Ногти его были подрѣзаны и подчищены маленькимъ инструментомъ, приспособленнымъ для этой цѣли; операцію подрѣзанія и подчи-

щенія сэръ Питтъ совершалъ аккуратно каждое утро, когда спускался съ лѣстничныхъ ступеней, чтобы войти въ свой кабинетъ.

Баронетъ остолбенѣлъ и невольно попятился назадъ при взглядѣ на бѣднаго Родона въ его измятомъ платьѣ, съ глазами, налитыми кровью, съ волосами, растрепанными по-лицу. Ему представилось, что братъ его пьянъ, и возвращается, въ этомъ безобразномъ видѣ, съ какой-нибудь вечерней оргіи.

— Великій Боже! воскликнулъ озадаченный сэръ Питтъ. Какими судьбами ты очутился здѣсь въ этотъ утренній часъ? Отчего ты не дома?

— Донма?! отвѣчалъ Родонъ съ буйнымъ смѣхомъ. Не бойся, Питтъ. Я не пьянъ. Запри дверь, мнѣ надобно поговорить съ тобою.

Питтъ заперъ дверь и помѣстился въ другомъ незанятомъ креслѣ, гдѣ предназначалось сидѣть управляющему, агенту и другимъ особамъ, завѣдывающимъ дѣлами баронета. Склонивъ голову на грудь, сэръ Питтъ продолжалъ теперь, съ усиленною дѣятельностью, операцію подчищенія ногтей.

— Все кончилось, Питтъ, сказалъ полковникъ послѣ кратковременной паузы. Я погибъ.

— А я напередъ зналъ, и давно говорилъ, что дойдетъ до этого, запальчиво подхватилъ баронетъ, начиная барабанить по столу своими подрѣзанными и подчищенными ногтями. Я предостерегалъ тебя тысячу разъ, и ужъ теперь прошу не пенять на меня. Помочь я рѣшительно не въ состояніи. Капиталь мой распределенъ до послѣдняго шиллинга. Даже эти сто фунтовъ, выданные тебѣ женою, назначены были завтра поутру одному изъ моихъ адвокатовъ, и отсутствіе этой суммы поставяетъ меня въ значительное затрудненіе. Это ни значить, однакожь, что я вовсе не намѣренъ оказывать тебѣ ни малѣйшаго пособія, но удовлетворить всѣхъ кредиторовъ, для меня столько же невозможно какъ уплатить національный долгъ Британіи. Безумно было бы и думать объ этомъ. Тебѣ остается уговорить кредиторовъ на уступки, какъ несостоятельному должнику. Это, конечно, окомпрометируетъ нѣкоторымъ образомъ всю нашу фамилію, но какъ тутъ иначе извернешься? Не мы первые, не мы и послѣдніе. Вотъ, напримѣръ, Джорджъ Китли, сынъ лорда Регланда, попалъ въ тюрьму на прошлой недѣлѣ, и былъ, что называется, выжатъ весь какъ губка. Лордъ Регландъ не хотѣлъ платить даже шиллинга, и...

— Не о деньгахъ пришелъ я говорить съ тобою, любезный братъ, возразилъ полковникъ. Рѣчь не обо мнѣ. Пусть будетъ со мной, что будетъ, но...

— Такъ въ чемъ же дѣло? сказалъ Питтъ, очевидно обрадованный этимъ открытіемъ.

— Я пришелъ просить тебя о моемъ сынѣ, продолжалъ Родонъ хриплымъ голосомъ. Обѣщай несчастному отцу, что ты возьмешь его подъ свое покровительство, когда меня не станетъ. Твоя добрая сострадательная жена всегда ласкова была къ моему малюткѣ, и Родя любитъ ее гораздо больше, чѣмъ свою... Проклятіе! Послушай, Питтъ, тебѣ извѣстно, что я долженъ былъ получить наслѣдство послѣ тѣтки. Меня воспитывали совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ воспитывать младшихъ братьевъ. Совсѣмъ напротивъ: во мнѣ развивали праздность, поддерживали наклонность къ расточительности. При хорошемъ образованіи, изъ меня вышелъ бы, конечно, совсѣмъ другой человекъ. При всемъ томъ, извѣстно тебѣ, что въ полку служилъ я недурно, и ничѣмъ не запятналъ семейной чести. Ты знаешь, какъ я потерялъ наслѣдство, и кто завладѣлъ имъ.

— Послѣ пожертвованій, мною сдѣланныхъ въ пользу твоего семейства, я полагаю, Родонъ, что упрекъ этотъ бесполезенъ, сказалъ сэръ Питтъ. Женитьба была твое дѣло, не мое.

— Все теперь кончено, сказалъ Родонъ, все кончено!

И слова эти сопровождались такимъ ужаснымъ стономъ, что братъ его невольно вздрогнулъ.

— Ахъ, Боже мой, не умерла ли она? воскликнулъ встревоженный сэръ Питтъ; проникнутый на этотъ разъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ.

– Я бы самъ желалъ умереть, отвѣчалъ Родонъ. Еслибъ не малютка Родя, я всадила бы себѣ пулю въ лобъ, и... и отправилъ бы напередъ этого негодяя.

Сэръ Питтъ мгновенно угадалъ истину, и понялъ, что титулъ негодяя относится на этотъ разъ къ милорду Стейну. Затѣмъ полковникъ разсказалъ, въ сильныхъ и краткихъ выраженіяхъ, всѣ обстоятельства дѣла.

– Между этимъ мерзавцемъ и моей женой былъ, по всей вѣроятности, строго обдуманнѣйшій планъ, говорилъ мистеръ Кроли. Шерифскіе помощники накинута на меня въ ту пору, какъ я возвращался домой съ этого бала. Когда я послалъ къ ней письмо, она отвѣчала, что лежитъ въ постели, и выручить меня завтра. По возвращеніи домой, я засталъ ее въ брѣдѣ наединѣ съ этимъ негодяемъ.

Потомъ онъ коротко описалъ личное столкновеніе съ лордомъ Стейномъ. Дѣла этого рода оканчиваются, разумѣется, извѣстнымъ и единственнымъ способомъ и вотъ онъ, посовѣтовавшись напередъ и переговоривъ съ своимъ братомъ, пойдетъ дѣлать необходимыя приготовленія къ дуэли.

– И если пуля просверлитъ меня, любезный братъ, заключилъ Родонъ прерывающимся голосомъ, малютка останется безъ отца и... и безъ матери. Я долженъ поручить его твоему покровительству и твоей женѣ, любезный братъ. Смерть не испугаетъ меня, если ты не откажешь мнѣ въ этой послѣдней просьбѣ.

Старшій братъ казался очень растроганнымъ, и пожимая руки мистера Кроли, обнаружилъ чувствительность, рѣдко замѣчаемую въ немъ. Родонъ провелъ рукою по своимъ косматымъ бровямъ.

– Благодарю тебя, Питтъ, сказалъ онъ. Я знаю, на твое слово можно положиться.

– Будь увѣренъ, братъ, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, отвѣчалъ баронетъ.

И такимъ-образомъ, безъ дальнихъ околичностей, они обезпечили судьбу маленькаго Родя.

Но этимъ еще не окончились переговоры. Полковникъ вынулъ изъ кармана небольшой портфель, отысканный въ шкатулкѣ мистриссъ Бекки. Въ портфелѣ были ассигнаціи и банковые билеты.

– Вотъ здѣсь шестьсотъ фунтовъ... сказалъ Родонъ, ты конечно не зналъ, что я такъ богатъ. Потрудись передать эти деньги старухѣ Бриггсъ: это у нея взято. Бѣдняжка такъ любила Родю, и мнѣ всегда было совѣстно, что мы вздумали обокрасть ее. А вотъ здѣсь побольше шестисотъ... надо выдѣлать и для Бекки небольшую сумму: пусть распоряжается какъ умѣетъ.

Говоря это, онъ хотѣлъ передать брату и другіе векселя, но руки его задрожали, и онъ выронилъ бумажникъ на полъ. При этомъ паденіи, выскочилъ оттуда тысяча фунтовый билетъ – послѣднее пріобрѣтеніе мистриссъ Бекки.

Питтъ изумился такому огромному богатству. Онъ нагнулся и поднялъ деньги.

– Нѣтъ, братъ, этотъ билетъ останется покамѣстъ у меня, сказалъ Родонъ. Я намѣренъ завернуть имъ пулю, когда стану стрѣлять въ этого негодяя. Его это деньги.

Бѣднякъ думалъ этимъ способомъ усугубить наказаніе злодѣю, разрушителю семейнаго счастья.

Послѣ этого разговора, братья еще разъ пожали другъ другу румы, и расстались.

Леди Дя; енни слышала о прибытіи полковника, и дожидалась своего мужа въ столовой, смежной съ кабинетомъ. Женскій инстинктъ ея предугадывалъ бѣду. Дверь въ столовую была немножко пріотворена, и супруга баронета случайно выставилась изъ этой коднаты въ ту минуту, какъ братья выходили изъ кабинета. Она протянула руку мистеру Кроли, и сказала, что очень рада съ нимъ позавтракать, хотя нетрудно было угадать по его небритому лицу и мрачнымъ взглядамъ баронета, что они вовсе не думали о завтракахъ. Родонъ пробормоталъ въ отвѣтъ какое-то извиненіе, и крѣпко пожалъ нѣжную ручку своей невѣстки. Умоляющіе глаза ея видѣли ясно бѣдствіе, изображавшееся на лицѣ мистера Кроли, но онъ уипель, не про-

говоришь ни слова. Сэр Питт не представил также никаких объяснений своей супруге. Когда дети подбѣжали къ нему для утренняго привѣтствія, онъ поцаловалъ ихъ съ обыкновеннымъ спокойствіемъ, холодно и чинно. Тѣмъ крѣпче прижала ихъ мать къ своей груди, и тѣмъ усерднѣе она молилась съ ними, когда глава семейства, окруженный лакеями въ праздничныхъ ливреяхъ, читалъ утреннюю молитву. Эта церемонія всегда производилась въ столовой, гдѣ въ то же время на другомъ концѣ приготовляли чай съ буттербротами и пирожками. Завтракъ сегодня начался поздно вслѣдствіе непредвидѣнной задержки, и когда семейство сѣло за столъ, колокольный звонъ въ ближайшихъ церквахъ возвѣстилъ о наступленіи богослуженія. Леди Дженни не поѣхала къ обѣднѣ, отговорившись головою болью. Мысли ея блуждали теперь далеко за предѣлами родной семьи.

Родонъ Кроли между-тѣмъ, добравшись до Гигантскаго дома, поразилъ молоткомъ бронзовую голову Медузы, сторожившей парадный входъ палаццо. На этотъ стукъ вышелъ пурпуровый слуга въ красномъ и серебряномъ жилетѣ, отправлявшій должность привратника въ этомъ чертогѣ. Растрепанный видъ полковника напугалъ слугу до такой степени, что онъ поспѣшилъ загородить дорогу, какъ-будто опасаясь насильственного вторженія. Однакожъ полковникъ Кроли ограничился только тѣмъ, что передалъ свою карточку для доставленія лорду Стейну, и велѣлъ сказать, что онъ, полковникъ, сегодня не будетъ дома, но милордъ если ему угодно, можетъ найти его въ Реджедтскомъ клубѣ на Сен-Джемской улицѣ. Жирный, красно-рожій швейцаръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на мистера Кроли, когда онъ отошелъ отъ дверей. Такое же изумленіе, при взглядѣ на него, обнаруживали всѣ пѣшеходы, отправлявшіеся къ обѣднѣ мальчишки изъ пріютовъ, мелочные лавочными и торговцы, запиравшіе, при началѣ церковной службы, ставни своихъ лавокъ съ солнечной стороны. Извозчики тоже подсмѣивались надъ его наружностью, когда онъ, взявъ кабриолетъ, приказалъ вести себя къ казармамъ у Рыцарскаго моста.

Всѣ колокола загудѣли и зазвонили, когда онъ приближался къ этому мѣсту. Будь онъ немножко повнимательнѣе къ окружающимъ предметамъ, онъ увидѣлъ бы вѣроятно старинную свою знакомку, мистриссъ Эмми, которая шла пѣшкомъ изъ своего жилища на Россель-Скверъ. Мальчишки изъ разныхъ школъ стройными толпами отправлялись въ церковь; блестящіе тротуары и имперіалы omnibusовъ были наполнены народомъ, спѣшившимъ за городъ для праздничныхъ удовольствій; но мистеръ Кроли, занятый своимъ собственнымъ дѣломъ, не обращалъ, казалось, ни малѣйшаго вниманія на всѣ эти феномены. Подѣхавъ къ казармамъ, онъ побѣжалъ въ комнату своего стараго пріятеля и сослуживца, капитана Макмурдо, который, къ счастью, былъ дома.

Капитанъ Макмурдо, старый служака и герой ватерлооской битвы, любимецъ всего полка, недостигшій высшихъ чиновъ только по недостатку въ деньгахъ, спокойно наслаждался утреннимъ кейфомъ въ своей постели, при входѣ неожиданнаго гостя. Наканунъ былъ онъ на вечерѣ у капитана Сенкбара, въ его собственномъ домѣ на Бромптонскомъ Скверѣ. На этомъ вечерѣ присутствовали молодые люди изъ того полка, гдѣ служилъ Макмурдо, и молодые люди изъ Corps-de-ballet. Капитанъ Макмурдо постоянно приходилъ въ соприкосновеніе съ джентльменами и леди всякихъ возрастовъ и сословій: съ доѣзжачими, франтами, танцовщицами, боксерами и прочая. Утомленный вчерашней попойкой, и свободный отъ служебныхъ занятій, онъ лежалъ теперь въ постели; думая о различныхъ явленіяхъ житейскаго базара.

Комната капитана Макмурдо обвѣшана была картинами, представляющими весьма интересные сцены изъ повседневнаго быта спортсменовъ, боксеровъ, танцовщицъ. Всѣ эти картины получилъ онъ въ подарокъ отъ своихъ пріятелей-сослуживцевъ, которые, выходя въ отставку, вступали въ бракъ и обзаводились домашнимъ хозяйствомъ. Въ настоящее время было ему отъ роду около пятидесяти лѣтъ, и такъ-какъ онъ состоялъ на службѣ цѣлую четверть вѣка, то нѣтъ ничего мудренаго, что комната его превратилась въ музей, представлявшій зрителю коллекцію разнообразныхъ вещей. Онъ считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Въ этомъ послѣд-

немъ отношеніи, единственнымъ для него соперникомъ могъ быть только мистеръ Кроли, когда онъ еще не выходилъ въ отставку. Наружность мистера Макмурдо не представляла слишкомъ замѣчательныхъ особенностей: у него были красныя щеки, красный носъ, нафабранные усы и плѣшивая голова, прикрытая дома шелковымъ колпакомъ. Въ настоящемъ случаѣ, капитанъ Макмурдо лежалъ въ постели, и читалъ, въ одной книгѣ, описаніе кулачнаго боя; происходившаго недавно между двумя извѣстнѣйшими боксерами, изъ которыхъ одинъ назывался Тот-бери Петъ, другой – Баркинъ-Ботчеръ.

Когда Родонъ сказалъ, что ему нуженъ пріятель по нѣкому дѣлу, капитанъ тотчасъ же понялъ и принялъ къ свѣдѣнію, въ чемъ должна состоять сущность этого дѣльца. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ славился необыкновеннымъ искусствомъ и предусмотрительностію, и покойный главнокомандующій особенно цѣнилъ мистера Макмурдо. Молодые люди, поставленные въ затруднительное положеніе, всегда находили въ немъ достойнаго совѣтника, помощника и друга.

– Ну, дружище, съ кѣмъ тамъ у васъ, изъ-за чего и какъ? рассказывай, началъ старый воинъ. Опять, что-ли карточная исторія, какъ съ этимъ капитаномъ Маркеромъ, котораго мы подстрѣлили?

– Нѣтъ, другъ... теперь изъ-за жены, отвѣчалъ Кроли, покраспѣвъ, и потушивъ глаза въ землю.

Макмурдо свистнулъ.

– Вотъ какъ! я всегда, признаться, говорилъ, что оно того... сказалъ Макмурдо, да и спохватился, когда увидѣлъ, что лицо полковника вытянулось необыкновеннымъ образомъ при началѣ этой рѣчи.

Дѣло въ томъ, что въ казармахъ уже давненько смотрѣли, съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, на личный характеръ полковницы Кроли, поговаривали о ней довольно легкомысленно. Въ клубахъ нѣкоторые джентльмены держали пари относительно вѣроятной судьбы мистера Родона. Макмурдо съ своей стороны былъ убѣжденъ, что ему не сдобровать.

– Что? развѣ ужъ слишкомъ далеко зашло? продолжалъ капитанъ серьезнымъ тономъ. Нельзя ли какъ-нибудь уладить это дѣло потихоньку, безъ огласки? Можетъ-быть тутъ одии только подозрѣнія, или ужъ оно, того... что бишь я хотѣлъ? Письма можетъ-быть – голубиныя намеки, что-ли? Лучше бы, право, не шумѣть, и похоронить все это втайнѣ...

«И онъ спохватился только что теперь! подумалъ про себя капитанъ Макмурдо. Ему пришли въ голову разнообразыя и шумныя засѣданія за общимъ столомъ, гдѣ репутація мистриссъ Кроли давно разбита была въ дребезги.

– Нѣтъ, другъ, одинъ только конецъ этой исторіи, отвѣчалъ Родонъ, – нечего больше дѣлать, какъ... понимаешь? Меня арестовали на дорогѣ, засадили въ долговую тюрьму, я освободился, и засталъ ихъ наединѣ. Я сказалъ ему, что онъ негодяй, лжецъ и трусъ, повалилъ и оттузилъ его. А ужъ, послѣ того, извѣстный конецъ.

– Разумѣется, сказалъ Макмурдо. Кто же онъ?

– Лордъ Стейдъ.

– Маркизь? Вотъ оно куда метнуло!.. Давновпрочемъ болтали, что онъ... то-есть, была у насъ рѣчь, что ты...

– Что я? проревѣлъ Родонъ. Хочешь ли ты этимъ сказать, что у васъ тутъ говорили про мою жену?.. Отчего же ты не извѣстилъ меня, Макъ?

– Ну, да вѣдь мало-ли что говорится, языкъ безъ костей, не всякое слово въ строку, отвѣчалъ Макмурдо. За какимъ дьяволомъ я сталъ бы извѣщать тебя обо всѣхъ этихъ пустякахъ?

– Нѣтъ, братъ, ты поступилъ не по-дружески, Макмурдо, сказалъ озадаченный Родонъ.

И закрывъ свое лицо обѣими руками, онъ обнаружилъ такіе энергическіе признаки глубочайшей грусти, что старый его товарищъ почувствовалъ невольный припадокъ соболѣзнованія и симпатіи.

– Ну, полно, полно, старина! сказалъ онъ. Будь онъ чортъ или маркизь, милордъ или дьяволъ, мы повалимъ его, дружище. Ну, а что касается до женщинъ, то много ихъ на одинъ салтыкъ, – повѣрь мнѣ.

– Ахъ, ты не знаешь, какъ я любилъ эту женщину! проговорилъ несчастный Родонъ. Я слѣдовалъ за ней повсюду, какъ лакей, всѣмъ ей пожертвовалъ, нищимъ сдѣлался изъ любви къ ней. Чортъ побери, я не разъ продавалъ и закладывалъ свои карманные часы, чтобы только угодить ея прихотямъ, а она?.. Она отказалась прислать мнѣ на выручку сотню фунтовъ, тогда какъ въ ея распоряженіи были тысячи, о которыхъ я и не зналъ.

И терзаемый порывами отчаянія, которыхъ прежде никто и никогда не замѣчалъ въ немъ, полковникъ разсказалъ, въ безсвязныхъ выраженіяхъ, всѣ обстоятельства и подробности этой исторіи. Маимурдо не проронилъ тутъ ни одного слова и, какъ опытный совѣтникъ, тотчасъ же рѣшился обратить нѣкоторые намеки въ его пользу.

– А что, братъ, вѣдь пожалуй что она, въ самомъ дѣлѣ невинная, сказалъ онъ. Сама она утверждаетъ это. Изъ того, что ты видѣлъ ее съ милордомъ, еще ровно ничего не слѣдуетъ. Лордъ Стейнъ бывалъ у ней и прежде тысячу разъ.

– Можетъ-быть, можетъ-быть, проговорилъ Родонъ грустнымъ тономъ, – а вотъ что ты на это скажешь, любезный другъ?

И онъ показалъ капитану тысяча-фунтовый билетъ, наименный въ шкатулкѣ Ребекки.

– Это онъ ей далъ, Макмурдо, продолжалъ полковникъ. Я ничего не зналъ объ этомъ. И съ такими деньгами она заставила меня сидѣть въ тюрьмѣ изъ-за сотни фунтовъ!

Капитанъ принужденъ былъ согласиться, что скромность этого рода имѣетъ подозрительный характеръ.

Еще до начала этой конференціи, Родонъ отправилъ капитанскаго деньщика на Курцонскую улицу съ приказаніемъ къ своему камердимеру, чтобы тотъ вручилъ подателю узелъ съ платьемъ, въ которомъ полковникъ, щеголявшій все еще въ бальномъ костюмѣ, очень нуждался. И въ отсутствіе этого слуги Родонъ и его секундантъ, пользуясь пособіемъ джонсонова словаря, необходимаго для справокъ въ правописаніи, сочинили письмо, которое Макмурдо долженъ былъ отправить къ лорду Стейну отъ своего имени. Письмо вышло толковитое и складное. Капитанъ Макмурдо, свидѣтельствуя наиглубочайшее почтеніе маркизу Стейну, имѣлъ честь всенижайше извѣстить, что полковникъ Родонъ Кроли уполномочилъ его сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія касательно извѣстной встрѣчи, неизбежной послѣ событій этого утра, и которой безъ сомнѣнія милордъ будетъ требовать самъ отъ полковника Кроли. На этомъ основаніи капитанъ Маимурдо убѣдительно просилъ лорда Стейна прислать къ нему довѣреннаго друга, съ которымъ бы онъ, капитанъ, могъ переговорить о взаимныхъ условіяхъ съ той и другой стороны. Свидѣтельствуя еще разъ наиглубочайшее почтеніе, Макмурдо учтивѣйшимъ образомъ изъявилъ желаніе, чтобы вышеозначенная встрѣча устроена была какъ-можно скорѣе.

Въ постскриптѣ капитанъ объявилъ, что въ его распоряженіи находится банковый билетъ въ значительную сумму, которая, по весьма вѣроятному предположенію полковника Кроли, составляетъ собственность маркиза Стейна. капитанъ желалъ, при первой возможности, передать билетъ его владѣльцу.

Когда письмо это было сочинено и переписано, капитанскій деньщикъ, отправившійся на Курцонскую улицу, воротился, но безъ узла и чемодана, за которыми былъ посланъ, и притомъ лицо его выражало какое-то странное безпокойство и досаду.

– Ну что, любезный? спросилъ Родонъ. Принесъ?

– Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ деньщикъ.

– Отчего же?

– Не отдаютъ вашихъ вещей.

– Какъ не отдаютъ?

– Да такъ-съ. Подите-ка, самъ чортъ тамъ голову сломить. Суматоха такая, что видимо-невидимо. Всѣ перепились. Пришелъ самъ хозяинъ, и занялъ вашу квартиру. Они тамъ говорятъ, сударь, что вы унесли съ собой серебро, полковникъ... да мало ли еще что тамъ они болтаютъ, прибавилъ добродушный слуга послѣ минутной паузы. Горничная кажись ужъ сбѣжала. Симпсонъ, вашъ камердинеръ, пьянъ какъ стелька, и буянить пуще всѣхъ. Онъ говорить, что не позволить тряпки вынести изъ дома, пока не заплатятъ ему жалованья.

Отчетъ объ этомъ маленькомъ волненіи на Майской ярмаркѣ изумилъ пріятелей, и сообщил нѣкоторую живость ихъ разговору. Оба они вдоволь посмѣялись, когда выслушали забавный рассказъ деньщика.

– Я радъ, по крайней мѣрѣ, что мальчугана моего нѣтъ дома, сказалъ Родонъ, кусая свои ногти. Ты вѣдь помнишь, Макмурдо, какъ онъ ѣздилъ въ берейторской школѣ? Онъ сидѣлъ въ ту пору настоящимъ козыремъ: не правда ли?

– Правда, мой другъ, правда, подтвердилъ капитанъ Макмурдо.

Маленькій Родонъ, одинъ изъ пятидесяти другихъ мальчиковъ, сидѣлъ въ это самое время въ капеллѣ школы Бѣлаго Собратства, думая о томъ, какъ онъ поѣдетъ домой въ будущую субботу, и какъ, по всей вѣроятности, папа возьметъ его съ собой въ театръ.

– Да, братъ, этотъ мальчикъ – настоящій козырь, продолжалъ отецъ, все еще думая о своемъ сынѣ. Вотъ что, Макмурдо, если этакъ что случится... если я буду убить... ужъ, пожалуйста, другъ, не откажи... сходи ты къ этому мальчугану, и скажи, что я очень... очень люблю его, и ужъ... самъ знаешь что. Да еще, не забудь, другъ Макмурдо... вотъ эти золотыя пуговицы вручи ты ему отъ меня... на... на память. Больше мнѣ нечего ему оставить.

Онъ закрылъ лицо своими черными руками, и крупныя слезы покатились бѣлыми бороздами по его щекамъ. Мистеръ Макмурдо воспользовался также случаемъ снять съ головы своей шелковый колпакъ, и отереть имъ свои глаза.

– Ступай-ка, любезный, закажи намъ завтракъ, да получше, громко сказалъ онъ своему деньщику веселымъ тономъ. Чего ты хочешь, Кроли? Почекъ съ перцомъ? Селедку? Ну, и того, и другаго. Да вотъ что, Клей, продолжалъ онъ; обращаясь опять къ деньщику, – вынь изъ коммоды какое-нибудь платье для полковника; мы съ нимъ бывали встарину одного роста и дородства. Помнишь ли, Родонъ, какъ мы разѣзжали съ тобой на этихъ полковыхъ рыскахъ? Охъ, старина, старина!

Съ этими словами, чтобы не мѣшать полковнику одѣваться, онъ повернулся къ стѣнѣ, и принялся опять дочитывать интересную статейку о борьбѣ двухъ боксѣровъ. Когда туалетъ Родона былъ конченъ, Макмурдо бросилъ газету, и началъ одѣваться самъ.

Но, приготовляясь къ свиданью съ лордомъ, капитанъ Макмурдо употребилъ на этотъ разъ особенную тщательность при своемъ собственномъ туалетѣ. Онъ нафабрилъ усы до степени блистательнаго лоска, туго натянулъ бѣлый галстухъ, и надѣлъ превосходнѣйшій лосинный жилетъ. Когда онъ и пріятель его вошли въ общую залу; гдѣ былъ для нихъ приготовленъ завтракъ, молодые офицеры встрѣтили съ громкими комплиментами мистера Макмурдо, и спросили, ужъ не намѣренъ ли онъ жениться въ это воскресенье.

Глава LIV

Тотъ же день и тотъ же предметъ

Озадаченная роковыми событіями предшествующей ночи, мистриссъ Бекки долго не могла выйти изъ своего оцѣпененія и пролежала въ постели до двѣнадцати чаеовъ. Звонъ воскресныхъ колоколовъ привелъ ее въ себя. Приподнявшись съ постели, она принялась наигрывать въ свой собственный колокольчикъ, призывая француженку-горничную, которая, какъ мы знаемъ, оставила ее за нѣсколько часовъ.

Мистриссъ Родонъ Кроли звонила долго и громко, но безъ всякаго успѣха, и хотя наконецъ она дернула за сонетку съ такимъ отчаяннымъ усиліемъ, что снурокъ отъ колокольчика остался въ ея рукахъ, однакожь мамзель Фифина не явилась; — да, рѣшительно не явилась и тогда, какъ раздраженная миледи, съ оборванной сонеткой въ рукахъ и растрепанными волосами, выбѣжала въ корридоръ, и начала, громкимъ голосомъ и топая ногами, кликать свою служанку.

Дѣло въ томъ, что *mademoiselle Fifine*, не спросивъ ничего позволенія, изволила совсѣмъ оставить хозяйственное заведеніе на Курцонской улицѣ. Подобравъ брильянты и другія бездѣлки, оставленныя въ гостиной, Фифина взошла къ себѣ наверхъ и тщательно уложила всѣ свои картонки, ящички и сундучки. Затѣмъ, выбравшись на улицу, она наняла извозицью карету для собственнаго употребленія, и вынесла собственноручно весь свой багажъ, безъ всякой посторонней помощи, въ которой вѣроятно ей бы отказали, такъ-какъ вся домашняя челядь ненавидѣла отъ всей души эту заносчивую Парижанку. Такимъ-образомъ, не простившись ни съ кѣмъ, мамзель Фифина покинула Курцонскую улицу однажды навсегда.

Игра, по ея мнѣнію, совсѣмъ окончилась въ этомъ маленькомъ хозяйствѣ, и *mademoiselle Fifine* уѣхала въ наемной каретѣ, какъ вѣроятно многія изъ ея прекрасныхъ соотечественницъ поступили бы на ея мѣстѣ. Собираясь въ путь далекій, она забрала не только свои собственные пожитки, но и нѣкоторыя довольно замѣчательныя вещи, составлявшія собственность мистриссъ Кроли (если только можно допустить въ строгомъ смыслѣ какую-нибудь собственность у этой миледи). Кромѣ вышеупомянутыхъ брильянтовъ и нѣкоторыхъ нарядныхъ платьевъ, уже давно привлекавшихъ вниманіе этой любезной служанки, мамзель Фифи захватила ненарокомъ четыре богатѣйшіе вызолоченные подсвѣчника *à la Louis-Quatorze*, шесть вызолоченныхъ альманаховъ, столько же кипсековъ, золотую эмалевую табакерку, принадлежавшую когда-то мадамъ дю-Барри, хорошенькую маленькую чериильницу и перламутровый письменный приборъ, употреблявшійся въ извѣстныхъ случаяхъ при сочиненіи очаровательныхъ записочекъ на розовой бумагѣ. Серебряныя вилки и ножи; лежавшіе на маленькомъ столикѣ по поводу *petit festin*, прерваннаго Родономъ, также исчезли изъ джентльменскаго домика вмѣстѣ съ исчезновеніемъ мамзель Фифины. Но другія металлическія принадлежности, неудобныя для перенесенія вслѣдствіе ихъ тяжеловѣсности, она оставила на своемъ мѣстѣ, и по этой же причинѣ остались неприкосновенности каминные приборы, каминныя зеркала и фортепьяно изъ розоваго дерева. Спустя нѣсколько времени, одна почтенная дама привлекательной наружности, похожая какъ двѣ капли воды на мамзель Фифину, открыла въ Парижѣ модный магазинъ въ *Rue du Helder*, гдѣ она жила, пользуясь большимъ кредитомъ, и наслаждаясь покровительствомъ милорда Стейна. Эта особа отзывалась всегда объ Англіи, какъ о самой негодной странѣ въ мірѣ, и рассказывала своимъ молодымъ воспитанницамъ, что она была нѣкогда *affreusement volée* туземцами этого острова. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ состраданія къ этимъ несчастіямъ, великодушный маркизь оказывалъ свое покровительство почтенной *madame de Saint Amarante*. Да здравствуетъ она многія лѣта на Базарѣ Житейской Суеты! Мы не будемъ имѣть съ ней никакого дѣла.

Услышавъ необыкновенную толкотню и движеніе внизу, мистриссъ Родонъ Кроли, пораженная сильнѣйшимъ негодованіемъ на безстыдство прислуги, неотвѣчавшей на ея многократный призывъ, накинула на плеча свои утренній пеньюаръ, и величественно сошла въ гостиную, откуда слышался этотъ демонскій гвалтъ.

Тамъ кухарка съ грязнымъ лицомъ и въ засаленомъ передникѣ, сидѣла на прекрасной ситцовой софѣ подлѣ мистриссъ Реггльсъ, которую подчивала мараскиномъ. Вертлявый пажъ, еще недавно разносившій розовыя записочки мистриссъ Кроли, и проворно вилявшій около ея маленькой коляски, запускалъ свои пальцы въ банку съ малиновымъ вареньемъ; камердинеръ серьезно разговаривалъ съ мистеромъ Реггльсомъ, котораго лицо выражало глубокое расстройство и печаль – и увы! хотя дверь была отворена, и Ребекка уже нѣсколько разъ топала своей миньютюрной ножкой, никто изъ слугъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на присутствіе миледи.

– Еще рюмочку, голубушка! говорила кухарка, обращаясь къ мистриссъ Реггльсъ, когда Ребекка стояла среди комнаты.

– Симпсонъ! Троттеръ! кричала раздраженная миледи. Какъ вы смѣете здѣсь оставаться, когда слышите мой голосъ? Какъ вы смѣете сидѣть въ моемъ присутствіи? Гдѣ моя горничная?

Пажъ встрепенулся и поспѣшилъ высвободить изъ банки свои пальцы, но кухарка храбро додила свой стаканъ, и еще храбрѣе уставила глаза на мистриссъ Кроли. Ликеръ, повидимому, возбудилъ въ ней яростное присутствіе духа.

– Ваша софа! поди-ка-ты какія новости! сказала кухарка. Я сию на софѣ мистриссъ Реггльсъ, не на вашей. Иистриссъ Реггльсъ, не шевелись, моя голубушка, не тревожься. Я сию на собственной софѣ мистера и мистриссъ Реггльсъ; они купили ее на честныя денежки, и дорого она имъ стоитъ, охъ какъ дорого! Какъ вы думаете, мистриссъ Реггльсъ, если я буду тутъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока заплатятъ мое жалованье, долго-ли я просижу? Ха, ха, ха!

И затѣмъ кухарка налила себѣ другой стаканчикъ сладкаго ликера, и выпила его съ отвратительной злостью.

– Троттеръ! Симпсонъ! Вытолкайте эту пьяницу, кричала мистриссъ Кроли.

– Вытолкайте ее сами, если есть охота, сказалъ Троттеръ, камердинеръ. Заплатите намъ деньги и, пожалуй, гоните всю прислугу. Мы знаемъ, добра нечего ждать отъ васъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.